

Литературная газета

№ 4 (113), 2019

Сибирская награда
болгарской
поэтессы

стр. 4

Диана Кан
и её
стихи

стр. 6-7

Анатолий Лабунский
о Богдане
Хмельницком

стр. 8-9

Русское слово Молдовы

Большая часть нынешнего апрельского номера «ОЛГ» посвящена Ассоциации русских писателей Республики Молдова, которая входит в состав МСПС и активно с ним взаимодействует. Свидетельство тому — выход в сегодняшней газете столь объёмного и обстоятельного рассказа о молдавских писателях и представление на наших страницах их творчество. Мы понимаем, как непросто сегодня «вдали от России быть русским поэтом» и стараемся в меру своих сил поддерживать наших собратьев по перу и родному языку в дальнем зарубежье.

Щедрыми на события выдалась зима и начало весны 2019 года для русских писателей Молдовы: были подготовлены и проведены православные чтения в Свято-Георгиевской русской церкви и в Российском центре науки и культуры; состоялись подведение итогов Республиканского конкурса святочного рассказа и восточноевропейского конкурса «В ответе за творение»; прошёл вечер памяти «Я соберу для Пушкина букет»; Международный поэтический фестиваль «Авторские мосты Мэрцишора» в Приднестровье; выставка товарищества русских художников «М-АРТ» в библиотеке Академии наук РМ; выступления в рамках первого видео-моста между библиотеками Липецка — Таллина — Донецка — Кишинёва во Всемирный день поэзии;

музыкально-поэтический вечер на десяти языках «Но лишь божественный глагол»; творческие самоотчёты поэтов-юбиляров Олеси Рудягиной, Валерия Шварца и Сергея Пагына... Всего не перечислить. И это только за три месяца. А сколько же всего произошло за последние десять лет!..

В 2009 году в «Евразийской музее» вышла статья Олеси Рудягиной «Полёт в безвоздушном пространстве», а в 2014-м в «Эмигрантской лире» — очерк о русской литературе Молдовы. И если в первой публикации сквозило отчаяние, а вторая осторожно констатировала «набор высоты», то сегодня можно с уверенностью сказать, что русская литература Молдовы возродилась из пепла.

Продолжение на стр.2

Льву Аннинскому — 85!

Дорогой Лев
Александрович!

Примите наши сердечные поздравления со славною юбилейной датой!

Вы заслужили широкое признание как даровитый писатель, талантливый публицист, яркий и очень авторитетный литературный критик в огромном писательском мире и как автор уникальных телепередач об отечественной культуре.

Высоко ценим Вашу многолетнюю творческую деятельность, бескорыстное служение отечественной литературе и культуре. Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, творческого вдохновения, обыкновенных человеческих радостей и поводов для хорошего настроения!

Председатель МСПС
Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Дом Ростовых не впервые гостеприимно открывает двери для писательского сообщества Республики Абхазия.

Только за последний год здесь были представлены сборник абхазских поэтов в переводах на русский язык, книга стихов «Родник бессмертия» известного поэта, председателя Союза писателей Абхазии Вахтанга Абхазоу, выпущенных в рамках программы МСПС по поддержке национальных литератур.

Денис Чачхалиа — выпускник Литературного института им. М.Горького, известный и уважаемый в Абхазии и в Москве литератор, прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР, Союза писателей Абхазии, Со-

Абхазское царство в Доме Ростовых

В Москве презентована книга «Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978-1014» Дениса Чачхалиа

юза писателей России, за последние годы издал несколько научных трудов, посвящённых истории и культуре Абхазии.

Книги «Джигетский сборник», «Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления», «Трёхпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и её влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда» вызвали огромный интерес у специалистов и читающей публики, став, по сути, библиографической редкостью.

Книга «Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978-1014», представленная автором, является, с его слов, этапным изданием, частью задуманной серии трудов по истории Абхазии. События, описанные в книге, ограничены временными рамками, так как относятся к годам правления абхазского царя Баграта II.

В течение вечера Денис Киршалович

обстоятельно и убедительно комментировал текст книги, разъясняя различные детали и нюансы, совершив экскурс в прошлое страны, рассказывая собравшимся как о событиях, предшествовавших описанным, так и произошедших позднее, используя для наглядности картографические материалы.

Ответив на вопросы гостей и завершая вечер, Денис Чачхалиа заметил, что, «хотя историю часто пытаются облачать в различные одежды в угоду разным правителям», и не исключены высказывания оппонентов, он готов к обсуждению своих работ, к любой цивилизованной дискуссии.

Уверен, что очередная презентация книги абхазского автора в Москве является важным событием в процессе дальнейшего сближения культур народов России и Абхазии.

Владимир ДЕЛБА

Русское слово Молдовы

Начало на стр.1

А ведь это была настоящая катастрофа — в 90-х годах на гребне националистической разрушительной волны, в обстановке набирающей размах русофобской истерии, по окончании короткой и яростной гражданской войны в Приднестровье произошёл массовый исход литераторов из Молдовы. Страна лишилась цвета многонациональной русской литературы, таких значительных прозаиков и поэтов, как Рудольф Ольшевский, Николай Сундеев, Олег Максимов, Виктор Голков, Виктор Чудин, Геннадий Рудягин, Михаил Хазин, Геннадий Сквиренко, Мария Цвик, Геннадий Немчинов и других, а также многих молодых сильных авторов, впоследствии вписавшихся в жёсткую московскую и заокеанскую жизнь — Кати Капович, Эдуарда Побужанского, Марины Ровнер (ныне Степновой), Юрия Цветкова, Дмитрия Пашкова, Татьяны Гуцу.

Когда-нибудь, может, опубликуют статистику погибших и безвременно ушедших граждан Великой Страны, сметённых с лица земли в постперестроечные годы обрушения устоев, идеалов и родственных связей. В Молдавии же в этом списке классики современности Виктор Кочетков, Владимир Измайлов, Валентин Ткачёв, Дмитрий Ольченко. Немногим позже ушёл главный редактор знаменитого журнала «Кодры» Юрий Греков; замёрзла в виноградниках, выйдя на забытом полустанке из поезда Инна Нестеровская; жестоко отмучились в болезнях Людмила Дорошкова и Игорь Ситалов; довела себя до безвременного ухода уникальная Галина Огородникова; не дожил до 50 лет Александр Тхоров, напечатанный при жизни единственный раз. Совсем недавно скоростно скончался хорошо известный в бардовском мире Игорь Доминич; ушёл поэт-сатирик Юрий Харламов, не стало последнего из поэтов-фронтовиков Молдовы Николая Савостина, замечательных русских поэтов Юрия Павлова, Сергея Чернолева, Константина Шишкана, Александры Юнко, талантливого прозаика Елены Шатохиной... Пусть эти дорогие имена хотя бы посмертно прозвучат на «большой земле» нашей духовной родины.

Кто-то скажет: жизнь идёт, поколения меняются. Нет, это — показатель последних пережитого слома, обесценивания жизни целых поколений, духовного напряжения, нестабильности, выживания. Обстановка и сегодня непростая. Парламент страны принял запрет на информационные и аналитические российские программы, неуклонно ужимается сектор образования на русском языке, закрываются русские группы в детских садах, прекращается обучение в вузах и школах, распускаются лицейские классы. Но русский язык, сфера которого намеренно и неуклонно сужается, упрямо выживает. И в этой борьбе у нас — особая миссия.

Впервые название «Ассоциация русских писателей Молдовы» прозвучало в конце 1990 года, она была создана поэтом и публицистом Николаем Сундеевым и активно заявила о себе в изданиях того времени. К сожалению, в связи с эмиграцией Сундеева и других состоявшихся авторов, летом 1994 года ассоциация прекратила свое существование. В Кишинёве от неё остались всего несколько человек. К этому времени в Союзе писателей Республики

Молдова русская секция по политическим причинам давно перестала существовать. И в 1998 году по инициативе поэтов-фронтовиков Виктора Кочеткова и Александра Андруся, при участии поэта Валентина Ткачёва из Приднестровья ассоциация была создана вновь. В непростое время, когда русская литература пребывала, практически, в состоянии духовного подполья, ассоциация взяла на себя миссию защиты чести и достоинства, творческих и человеческих прав литераторов, сбережения их родного языка. В 2000 году Конгресс русских общин Республики Молдова помог официально зарегистрировать ассоциацию. Первым председателем АРП стала Аделина Вражмаш, в 2002 году её сменил известный поэт Александр Милях.

С 2005 года ассоциацией русских писателей руководит Олеся Рудягина.

В годы, когда АРП находилась в составе Конгресса русских общин, в свет вышли такие яркие книги, как «Возвращение» Виктора Кочеткова; альманах к 200-летию Фёдора Тютчева «Как слово наше отзовется»; пять выпусков альманаха «Лицей» (поэзия молодых), «Фронтальная муза» (произведения, посвящённые Великой Отечественной войне), книга поэзии Александра Миляха «Тепло России», получившая премию Союза писателей России «Традиция»; сборник романсов Сергея Пожара на стихи В. Костишар «Кому мне счастье одолжить?»; книга Валентина Ткачёва «Нелёгкая стезя»; поэтические сборники Ирины Ремизовой, Валентины Костишар, Сергея Пагына, Юрия Гудумака, Сергея Чернолева, Олеси Рудягиной, Новеллы Киселёвой, Ви Чембарцевой, книги прозы Елены Шатохиной и Константина Шишкана. Издательством «Инесса» был выпущен не имеющий аналогов на постсоветском пространстве библиографический словарь-справочник «Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях: XIX — начало XX веков» и двухтомник «Молдавско-русские связи в искусстве». Каждую осень Конгрессом русских общин проводились Дни русской литературы и духовности, в которых ассоциация принимала самое активное уча-

стие. С этих Дней стали традиционными посещения Молдовы российскими мастерами слова, проведения ими мастер-классов по поэзии и прозе.

За последующие годы ассоциация подготовила к печати десятки рукописей на русском языке, провела огромное количество вечеров, посвящённых памятным датам и творчеству классиков русской литературы — Пушкину, Гоголю, Есенину, Ахматовой, Цветаевой, Тютчеву, Блоку, Пастернаку и современным поэтам России. Каждый седьмой день месяца в стенах Российского центра науки и культуры актив ассоциации проводит «Литературное воскресенье» — своеобразную творческую мастерскую, где представить на обсуждение свои произведения может любой ав-

номера, Виктор Сундеев отмечал:

«...вопреки назойливо внедряемому в общественное сознание мнению, что русской литературы и русскоязычных читателей в Молдове практически нет, можно с полной уверенностью утверждать, что это не соответствует истине. Русская литература в республике есть. Современная, живая, сильная, яркая. И журнал "Русское поле" — лучшее тому подтверждение»

С 2014 года русские литераторы Молдовы, наконец, обрели свой собственный Международный фестиваль «Пушкинская горка», организованный при самой действенной поддержке Российского центра науки и культуры, руководителей Представительства Россотрудничества в Молдове Валентина Рыбицкого и Михаила Давыдова и Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве. Гостями этого литературного форума за пять лет стали многие известные поэты и прозаики, главные редактора литературных журналов и газет России, Белоруссии, Украины и Болгарии. С 2017 года в рамках фестиваля проводится турнир молодых поэтов и чтецов — в музейной усадьбе помещика Ралли, с которым дружил во времена кишинёвской ссылки молодой Пушкин.

Можно сказать, что ни одно значительное литературное событие в стране, связанное с русской литературой и языком, не обходится без участия и активной поддержки нашей ассоциации. С 2011 года АРП проводит республиканский конкурс для молодёжи «Взлётная полоса», который даёт трамплин для литературного роста одарённым ребятам и озвучил новые имена. Прекрасными подарками от России для них стали фестивали-конкурсы «На ветру времён», совещания молодых писателей в Переделкино и семинары в Липках. Подготовкой к переменам в судьбе стали фестивали фонда С.Филатова, проведённые в Молдавии при поддержке АРП, «Бессарабская осень» и «Время больших ожиданий»; фестивали культурной инициативы «Акценты».

Наши писатели активно занимаются переводами. Признанный в этом жанре прозаик Олег Панфил сотрудничает со многими известными литературными журналами. Юная Диана Жалбэ переводит с румынского на русский и наоборот. Нина Авидон много переводит современных украинских авторов. Игорь Корнилов, влюблённый в Испанию, увлечённо переводит с языка этой страны поэтов двадцатого века.

Сегодня в нашей ассоциации состоят авторы из многих городов и сёл Молдовы, помимо столичного Кишинёва. Костяк составляют поэты и прозаики, «вставшие на крыло» в 90-е годы. При этом правление очень взвешенно подходит к приёму новых авторов, стремясь сохранять высокий профессиональный уровень и самобытность наших писателей, неоднократно подтверждённых победами во множестве престижных международных литературных конкурсов, таких, как имени Волошина, «Серебряный стрелец», «Ветер странствий», «Кубок Балтии», «Эмигрантская лира», «Молодой Петербург», «Журавли над Россией», «Пушкин в Британии», «Русский стиль», «Поэзия без границ», «Свеча толмача» и многих других.

Ассоциация русских писателей Молдавии в сегодняшнем её виде смогла собрать вместе лучшие литературные силы страны и бережно сохранить их в смутные времена.

Василиса ТРОФИМОВА

Я б в «Юнармию» пошёл!

Стартовала весенняя призывная кампания, и творческий коллектив «Агитбригада» МГО СП России по приглашению администрации муниципального округа «Головинский» провёл урок мужества в столичном колледже предпринимательства № 11

Ярко и образно — кадрами видеохроники, песнями и поэтическими строками — «Агитбригада» раскрыла тему мощи и силы российской армии, доходчиво рассказала о современных условиях прохождения службы в Вооружённых Силах страны, о примерах мужества и самоотверженности героев Великой Отечественной войны и советских воинов, прошедших горнило Афганистана, Вьетнама, Кореи, Кубы и других локальных конфликтов за пределами Отечества. Особенно студентов впечатлили примеры героизма их ровесников, сумевших проявить все лучшие человеческие

качества и в военные годы, и в мирное время.

Ребята, которые до службы в Вооружённых Силах прошли подготовку в системе ДОСААФ России или в одном из военно-патриотических клубов, быстрее адаптируются к армейской жизни, что и подтверждает опыт развития Всероссийского молодёжного военно-патриотического общественного движения «Юнармия». Организация была создана потому, что патриотическое воспитание Советско-

го Союза оказалось разрушено, а богатейшая история советской пионерии — неустеребована.

Чтобы исправить ситуацию, Владимир Путин в 2015 году подписал указ о создании «Российского движения школьников», которое и стало прообразом «Юнармии», напрямую взаимосвязанной сейчас с воинскими частями, военно-учебными заведениями, спортивным клубом армии, авиацией и флотом России. Все они оказывают «Юнармии»

содействие и поддержку, и вступление в эту организацию стало теперь целью российских школьников.

Московские писатели, не оставляя без внимания патриотическое направление работы с молодёжью, приняли участие во втором съёте отделения «Юнармии» ЦАО столицы в Государственном образовательном учреждении №1500, где член МГО, участник войны в Афганистане Дмитрий Попов был избран в состав обновлённого штаба «Юнармии» ЦАО.

Помимо содействия в работе различных структур этого движения, члены писательской организации задействованы в работе различных патриотических конференций, военно-спортивных турниров и Маршах Мира. Именно здесь, на этих «полях сражений» за каждого подростка, и формируется сила духа и моральный стержень нового поколения, которому можно доверить развитие и защиту страны.

Нина ПОПОВА

Самому непрочитанному поэту

15-го апреля, в день рождения Николая Гумилёва, на набережной Мойки, 48, в Санкт-Петербурге открыли памятник поэту

Памятник изготовил выдающийся современный петербургский скульптор Алексей Архипов. Известно, что многие его произведения хранятся в собраниях Государственного Эрмитажа, Русского музея, а также в частных коллекциях.

Торжественное открытие памятника Николаю Гумилёву прошло в сквере перед Институтом иностранных языков им. А.И. Герцена. Это первый памятник поэту в северной столице.

«Мы к этому шли очень долго. Двадцать два года и один месяц — столько прошло с того момента, когда памятник уже был готов. И вот, наконец, он установлен. Спасибо всем, кто принимал в этом участие», — обратился к собравшимся автор скульптуры.

На памятнике много шифров, знаков, посланий, нескольких лестниц, на вершину которых поднимается Николай Гумилёв. По замыслу Архипова, последняя ступень, на которой стоит поэт, символизирует торжество разума.

«133 года прошло со дня рождения великого русского поэта. Как-то Анна Андреевна назвала его самым непрочитанным поэтом. Он и на сегодняшний день таким остаётся. Надеюсь, такие мероприятия популяризируют его творчество и исправят это», — поделилась Нина Попова, директор Музея Ахматовой в Фонтанном доме.

Значение этого события для культурной и духовной жизни России сложно переоценить: долгие годы творчество одного из наиболее выдающихся представителей Серебряного века русской поэзии находилось в стране под запретом. Установка памятника Гумилёву в его родном городе стала важным шагом на пути восстановления памяти об исторической России.

Константину Скворцову — 80!

Уважаемый Константин Васильевич!

Исполком Международного сообщества писательских союзов поздравляет Вас, известного русского поэта, драматурга, сопредседателя правления Союза писателей России и общественного деятеля, со славным юбилеем!

Ваша литературная деятельность обрела популярность ещё в советские годы: тогда, да и теперь, у Вас вышло немало поэтических сборников, а среди исполнителей песен на Ваши стихи такие прославленные певцы, как Людмила Зыкина и Иосиф Кобзон. И какие красивые песни!

Ваши пьесы, как и всё Ваше творчество, пронизаны гражданственностью и любовью к родине и посвящены истории России, её легендам и сказаниям, древним христианским святым.

Вы — лауреат многих престижных литературных премий, в том числе имени А.Фатьянова, М.Лермонтова, Э.Володина, М.Алексеева, С.Аксакова, А. Твардовского, Большой литературной премии России.

Желаем Вам творческого долголетия и крепкого здоровья!

С уважением Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Юбилей в «Невском альманахе»

В Доме писателя г. Санкт-Петербурга состоялось чествование юбиляра, главного редактора знаменитого «Невского альманаха» Владимира Скворцова

На праздник съехались не только питерские писатели, но и гости из Москвы, Великого Новгорода, Абхазии и других регионов. Открыл юбилей директор Дома писателя, известный поэт и прозаик Евгений Лукин. Далее слово взял Валерий Киселёв — начальник отдела кадров Союза писателей России, полковник ФСБ России,

ветеран легендарной группы «Вымпел», который торжественно вручил Владимиру Степановичу сразу несколько достойных наград: благодарственные письма от Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Международного сообщества писательских союзов (МСПС), почётную грамоту от Московской городской организации Союза писателей и грамоту от ветеранской Ассоциации «Вымпел». Заместитель председателя Московской областной организации Союза писателей России Сергей Антипов отметил важность укрепления

творческих связей между писателями московского региона и Санкт-Петербурга, благодаря «Невскому альманаху», страницы которого открыты для талантов отовсюду, вручил юбиляру памятную медаль «За Веру, Царя и Отечество» и почётную грамоту МОО СПР, подписанную председателем организации Львом Котюковым. С тёплыми поздравлениями выступили председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов, известные поэты Владимир Шемшученко, Анатолий Обьедков, Татьяна Лестева, Николай Браун, Алексей Ахматов, Михаил Вэй и многие другие. На вечере прозвучало много стихотворений Владимира Скворцова, а также песен на его стихи.

Соб.инф.

Сибирская награда болгарской поэтессы

В Ханты-Мансийске — столице основного нефтегазоносного района России, богатого не только своими недрами, но и месторождением талантов и духовной щедрости литераторов, были названы имена лауреатов ежегодной Международной литературной премии «Югра»

Особенностью этой престижной премии является то, что лауреатами становятся литераторы высокого уровня всего славянского мира. Международная премия учреждена правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Литературным фондом «Дорога жизни». Президентом этого фонда и председателем Ханты-Мансийской окружной организации «Союз писателей России» является поэт Дмитрий Мизгулин.

Его творческая энергия объединяет литераторов и превращает в мощную силу, которая способна защитить мир. Мизгулин видит своё предназначение не только как руководителя высокого ранга, не только как поэта, но и как активного общественного деятеля. Он возводит реальные мосты между культурами разных народов. За 12 лет существования премии «Югра» её лауреатами стали более 80 прозаиков, поэтов, переводчиков, литературоведов и критиков из России, Белоруссии, Сербии, Греции, Азербайджана, Македонии, Чехии, Болгарии, Словении и Польши. Лауреаты премии — Валентин Распутин, Глеб Горбовский, Даниил Гранин, Станислав Куняев, Вячеслав Куприянов, Максим Замшев и другие.

По словам известного современного писателя, сценариста и публициста, ведущего авторской рубрики «Между тем» в программе «Эпицентр» телерадиокомпании «Югра» Сергея Козлова — секретаря Международной литературной премии «Югра», выдвижение лауреатов происходит на международном уровне. Лауреатами премии 2018 года стали: Владимир Личутин из Москвы, который отмечен за огромный вклад в современную литературу; югорский писатель Александр Игумнов — за продолжение лучших традиций «лейтенантской прозы» в повествовании об Афганской войне в год 30-летия вывода Советских войск из Афганистана. «Передать испытания достаточно сложно и тяжело, — с болью в сердце говорит автор, — Война — это не поэзия, война — это проза». Югорский писатель прошёл войну. Был лётчиком и репортёром. Увиденное он описал в книге «Имя твоё — солдат». Премии также были удостоены: тюменский писатель Леонид Иванов за книгу «Будем жить», которая помогает заново оценить жизнь как чудо; известная болгарская поэтесса, переводчица, публицист, президент Славянской литературной и художественной академии Елка Няголова за книгу «Ангел в пещере», переведённую на русский язык ведущими российскими поэтами; сербский писатель Миленко Ергович за книгу «Gloria in excelsis» в переводе Ларисы Савельевой; российский публицист, издатель и главный редактор газеты «Слово» Виктор Линник за вклад в общественную публицистику и международную журналистику.

Литературная премия «Югра» — это признание профессиональным сообществом заслуг талантливых писателей и поэтов с неиссякаемой интеллектуальной энергией, правдиво рассказывающих о современниках, живущих рядом. Это художественное исследование характеров

людей нашего времени, это то, что будет знать о нас наши потомки. Культура опять взяла на себя ответственность за целостность страны и славянского мира.

Программа пребывания участников Международного форума на Югре включала выход к СМИ, международный круглый стол «Современная славянская литература — вклад в мировой литературный процесс», экскурсии по современному красивейшему городу,

С послом Болгарии в России

расположенному на Самаровских холмах на берегу полноводного Иртыша в месте его слияния с сибирской красавицей Обью, по растущему городу с новыми культурными традициями, где открыт уникальный Центр искусств для одарённых детей Севера, собрана великолепная коллекция картинной галереи, открыты богатые музеи, концертные залы и православные храмы. Где главной доминантой города стал православный комплекс «В честь воскресения Христова», построенный на холме. Рядом с храмом заложен первый в России православный парк «Славянская площадь», который украшен скульптурами на тему десяти заповедей и расположены скульптуры Кирилла и Мефодия.

Группу гостей-литераторов сопровождал ответственный секретарь Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России Игорь Ширманов — наш незаменимый гид, писатель, публицист, прекрасно владеющий словом и глубоко знающий историю, культуру и

народные традиции Югорского края. После торжественного награждения лауреатов, традиционно проходившего в Государственной библиотеке Югры, которую много лет возглавляет по-сибирски приветливая и радушная её хозяйка — директор Ольга Павлова, состоялась творческая встреча с литераторами Югры.

Ханты-Мансийский союз писателей совместно с Литфондом «Дорога жизни» ведёт активную работу и выпускает содержательный литературно-художественный альманах «Эринтур» («Поющее озеро»), главный редактор которого — писатель и публицист Валерий Михайловский. На встрече выступили авторы альманаха, которые являются членами Союза писателей

Увлекателен был рассказ президента фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Елфимова об уникальных изданиях фонда, в которых ёмкими словами писателей, поэтов, учёных и журналистов рассказано о родном крае. Тридцать томов монументального проекта по истории Сибирских городов альманаха — это целое исследование и открытие. Как считал великий русский писатель и мыслитель Валентин Распутин, этот духовный труд поднялся до уровня «Истории государства Российского» Карамзина.

У всех выступающих между строк читалось, что уровень отношений между народами, братскими народами, носит всегда добрый, позитивный характер. Это делает неразрывными узы, которые связывают нас истар и навсегда.

По возвращению в Москву в Библиотеке искусств имени А.П. Боголюбова состоялся международный музыкально-поэтический вечер встречи с Елкой Няголовой. Вечер был организован Славянской литературной и художественной академией и Историко-патриотическим центром «Наследники Победы» совместно с Московской городской организацией СПР и СТС «Москва Поэтическая» при поддержке Посольства Республики Болгарии и Союза друзей Болгарии. Московские литераторы сердечно поздравили болгарскую поэтессу с Международной литературной премией «Югра» за книгу «Ангел в пещере». Название книги отнюдь не метафоричное. В Болгарии недалеко от Варны находится наскальный монастырь, в котором на каменной стене сохранился рисунок ангела с загадочной улыбкой на лице.

Елка Няголова — многократный лауреат литературных премий и наград разного уровня всех славянских стран. Этот человек — сама поэзия.

По поручению Синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ участников творческого вечера приветствовал протоиерей Лев Семёнов. С приветственной речью выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Болгарии в РФ господин Атанас Кростин.

Во встрече приняли участие первый секретарь посольства госпожа Кристина Дражева, российские и болгарские поэты, дипломатические работники, переводчики, главные редакторы

России и лауреатами многих престижных литературных премий. Герои произведения альманаха — гордые, спокойные северные люди, покорные судьбе, но знающие себе цену.

Встречу открыла первая хантыйская поэтесса Мария Волдина (Вагатова) — матушка «Югра». Как нескончаемый родник льётся песнями её душа. Её стихи и сказки включены в национальные учебники для хантыйских школ и переведены на многие языки народов мира. О времени, поэзии и о себе прочитал стихи с тонким юмором известный на Югре поэт, заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры Владимир Волковец. Любовью к родной земле проникнуто творчество Александры Лазаревой, руководителя литературного объединения «Северный огонек» в Сургуте. Русская культура, русская идея, образование и наука стали предметом научных интересов учёного, писателя и публициста Евгения Каргаполова. Философия творческой судьбы звучала в лирике Галины Хорос.

ряда газет и журналов, певцы, композиторы и общественные деятели. Лауреата новой премии тепло поздравил генеральный консул России в Варне Анатолий Щелкунов. Свет и радость излучали глаза всех выступающих. В программе прозвучали стихи Елки Няголовой на болгарском языке и в переводах российских поэтов.

Очень тёплым было выступление болгарской поэтессы и переводчицы Нади Поповой. От Центрального Совета Общероссийского общественного движения «Россия Православная» болгарскую гостью приветствовала Любовь Кривцова. Прозвучал романс, написанный композитором Еленой Кожуховской на стихи Елки Няголовой в исполнении Ванды Войналович.

Славянская цивилизация в мире играет исключительную роль. И потому миссия литераторов — это народная дипломатия, это создание мостов между странами на сердечном и духовном уровне.

Диана КАН

«Закатное небо Отчизны моей...»

***

Тоскует Тоскана и нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своём
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нём.

Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажки —
Под чьей паранджой
скрыта поступь веков.

Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей...
И — скифское — цвета запёкшейся крови
Закатное небо Отчизны моей.

То царский багрец разольёт над Россией.
А то полоснёт по глазам кумачом...
О твердь спотыкаясь ногами босыми,
Не тпущь подпереть его бранным плечом.

Не льщусь удивить его пением лиры...
Пред русскою бездной достойней молчать!
Гляжу в него взглядом обуглено сирым
И глаз не могу от него оторвать.

***

Москва, люблю твою сирень,
Что возле университета
Цвела в застойный майский день,
Будя в душе моей поэта.

То пятизвездие цветов
Благоуханнейшей сирени
Сулило больше, чем любовь —
Сулило сладость вдохновений.

Прилежно чту науку ту
Конца двадцатого столетия —
Сквозь смуту, морок, маяту
Цвести победным пятицветьем.

...И душу сквозь родной раздрай
Доселе озаряет светом
Тот яростно цветущий май,
Мне ставший университетом.

***

Когда хоронили Россию мою
Помпезно, согласно и чинно,
Поникшие в сбившемся ратном строю,
Рыдали поэты-мужчины.

Забросив свои боевые клинки,
Прощались с Россией навеки.
В плену безутешной сыновней тоски
В гробу закрывали ей веки.

Сиротской слезой орошали они
Родные ракиты-берёзы...
А я? Что же я?
Бог меня сохрани!
Я лишь утирала им слёзы.

«Хоть сабля востра,
да мечу не сестра...» —
Уныло кривились мужчины,
Когда намекала я им, что пора
В бою поразвезть кручину.

И вновь поминальный гранёный стакан
Горючей слезой закусили.
И так порешили — лишь тот атаман,
Кто слёзней скорбит по России.

А что же Россия?
Поминки поправ,
Восстав из хрустального гроба,
Она сквозь кордоны кержацких застав
Сокрылась в былинных чащобах.

Ведомая светом скорбящих свечей,
Ушла, не попомнив обиды,
На звон потайных кладенцовых мечей
От скорбной своей панихиды.

А я? Что же я?
На распутье стою
И слёзы друзьям утираю...
Не лучше ль погибнуть в неравном бою,
Чем вживе погинуть в родимом краю,
У гроба пустого рыдая?..

Хоть сабля востра да мечу — не сестра,
Но верному слову — сестрица.
И коли приспела лихая пора,
Пусть Вера Руси пригодится!

***

На куриный переступ
Да на воробьиный скок,
Тьме крошечной дав отлуп,
Прибавляется денёк.

Впрочем, курица — не птица
И не сокол — воробей...
Неумолчно вьюга злится,
Колобродит у дверей.

Хоть и ходит величаво
Зимовая за окном,
Но на смену ледоставу
Поспешает ледолом.

Скоро, словно неудачник,
Не снеся былых обид,
Лёд скукожится, заплачет,
С рёвом к Волге побежит.

Что, сердешный, отсиаясь,
Отыскрился под луной?..
Не топиться ли собрался,
Лёд Ледович дорогой?

Брызнет талою водицей,
Набираясь куражу:
«Не топиться, а родниться
С Волгой-матушкой спешу!..»

***

Негоже тебе, Русь, как бесприданнице,
Кидаться на восход и на закат.
Ты жди-пожди!

Все женихи заявятся,
Благоговейно выстроившись в ряд.

Виконты, и маркизы, и посланники,
Наслушавшись про кладези твои,
Из-за границ наедут голоштанники,
Чтоб клясться с пеной на губах в любви.

Растрчивать приданое готовятся...
Но если завтра ты пошлешь их в бой,
За честь твою

и славу не сподобятся
Пролить ни капли крови голубой.

Богатое Бог дал тебе приданое.
Не каждый встречный будет ко двору.
Храни же первородство Богоданное
И ройся в женихах, как бы в сору.

Своими заграничными уловками
Тебя начнут к взаимности склонять —
Духами, золотыми блохоловками —
Тех блохоловок даром нам не натъ!

На что, скажите, русской красавице
На шею надевать такой позор,
Коль от рожденья бани не чурается
Маркизам заблошнившимся в укор?!

... Надменный бритт
и сумрачный германец,
Спесивый лях и кургузный галл...
Ужо мы с женихов попустим глянец
И поглядим, какой из них удал!

***

Когда я из глубинной дали
Клянусь тебе, моя Москва,
Услышь в лирическом запале
Произнесённые слова.

Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглошшая от грая,
Меня на рубеже веков.

Сорвётся стаяй соколиной,
По ходу выстроившись в стих,
Призыв о доблести былинной
С воспламенённых уст моих.

Не стон, не всхлип и не рыданье.
Не о пощаде жалкий торг.
А из-под сердца восклицанье:
«Я — русская! Какой восторг!»

Междуречье

Пусть долог день до вечера,
Но весь свой краткий век
Двунадесятю наречиям
Учусь у русских рек.

Без фальши и без пафоса
Столетия подряд
По-родственному запросто
О русском говорят.

Былинами и сказами
(Когда их ни спроси!)
Они всегда по-разному
Расскажут о Руси.

...Татьянка-раскрасавица
(Подобной не сыскать!)
Расскажет, как покается:
Ей пращур — древний тать.

— И если молвить искренне
С собой наедине,
То не Татьяна искони —
Татёша имя мне!

... Криуша — речка-умница,
Как павушка плывёт.
И хоть слегка сутулится,
Да всех звончей поёт.

... Здесь каждый раз, как заново,
По камушкам журча,
О войске Тамерлановом
Расскажет Кондурча.

Гласят преданья старые
(Поги их позабуди!) —
Монголы здесь с татарами
Сходились грудь на грудь.

С плеч падали головушки,
Кинжал пронзал доспех...
Лилась рекою кровушка —
Равно красна у всех.

... Самарка востроглазая,
Ужель молчать невмочь?
Разбойными рассказами
Мне сердце не жесточь!

...И только Гавень-реченька
Меж клёнов и раки,т,
Чуть выронив словеченко,
Сокрыться норовит.

— Мне имечко — стыдобушка,
Аж совестно носить!
А всё они — коровушки
Да овцы, волчья сыть!

Ой, Гавень, дурью маешься
В неведение своём.
С чего ты приbedняешься,
Что твой исток — назём?

С наигранною робостью
Журчишь, свой нрав тая.
Но паче лютой гордости
Униженность твоя!

Легендами лукавыми
Себя не ставя в грош,
На месте древней гавани
Ты попросту течёшь.

...О, реченьки безвестные!
Глубокой старины
Предания поместные
В их именах слышны.

Здесь вырос между реками,
Безвестными допреж,
Григория Засекина
Сторожевой рубеж

Смирная дерзкой смелостью
И запад, и восток,
Восстал былинной крепостью
Самара-городок.

Он пахотными весями
В степную землю врос —
Святителя Алексия
Пророчество сбылось!

***

Я не корю тебя, какой ты стала,
Рассвет-рубаху износив дотла.
Я просто никогда не забывала,
Какой ты в дни величия была.

И сквозь твои истерзанные смутой,
Тщетою искажённые черты
Прозреть пытаюсь не сиюминутный,
А первозданный образ красоты.

Новейших богомазов
вдохновенье —
О, даже их судить я не берусь! —
Не более,
как только наслаенья
Твоей иконописности, о Русь!

Прицельные плевки,
смешок Иуды,
Лукавые натёки бытия...
Но чудом проступает из-под спуда
Душа святая чистая твоя.

Вся суета сует с тщетою вместе
Не в силах были справиться с тобой —
С твоей лазурью горней и чудесной
И солнечною охрой золотой.

***

Не нужно ни роз, ни левкоев...
Давайте сбегим наугад
В страну травяного покоя,
В неистовство знойных цикад.

Сбегим к белопенным ромашкам,
К паслёну, что буйно возрос,
К наивно-кокетливым кашкам,
Что краше левкоев и роз!

И вы согласитесь со мною,
Какая и впрямь благодать —
В объятьях июльского зноя
На тихой опушке лежать.

Отвергнув помпезные фижмы
Хрустящих обёрток цветных,
Здесь царствуют гордые пижмы
В своих одеяньях простых.

О, дикорастущее царство!
Пожалуй, немного цветов:
От болезней мира — лекарство,
Венок для девичьих голов.

На Богом забытой опушке
Цветёт, политеся поправ,
В хрустальной оправе речушки
Содружество солнца и трав.

Марсельеза на Млечном мосту

В 2019 году, по случаю 55-летнего юбилея автора, тиражом всего сто (!) экземпляров в Оренбурге увидела свет новая книга стихов Дианы Кан «Млечный мост»

Вроде радоваться надо — книга вышла, а в ней стихи, которые активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет: выходит, чем признанней становится Диана Кан, тем больше узнаёт её читатель, тем меньше тираж?!

Позвонил я Диане и услышал: «Эдуард Константинович, я рада и такой книге! Она мне дорога: её издали мои читатели, обычные люди, и я им очень благодарна...».

Конечно, «эта книга небольшая томов премногих тяжелей». В ней что ни стих — то самоцвет. А особенно приятно, что сюда вошло новое стихотворение, речь в котором идёт о моём пестравском самарском селе:

«Ох уж эти пестравские бабушки, // Что тебя называют "желанная". // Наколдуют такие оладушки, // Что сидишь, аки гостьюшка званая. // А ведь ты нежданно-непрощенно // Заскочила узнать, сколько времечка. // "Ешь олады, моя хорошая!" — // И тебя поцелует в темечко. // И, забыв, что зашла ты наскоро, // Наклонившись над старенькой чашкою. // И навстречу качнётся ласково // Духовитый чаёк ромашковый. // В нём степные просторы пестравские // Уместились, вовек неоглядные... // И сидишь, словно гостя заправская, // Ешь оладушки, бабушку радуя. // Угощаешься властью смородиной. // Ищешь повод продлить гостевание. // Хоть Пестровка тебе не родина, // Разве знала ты это заранее?»

Диана Кан не раз была (и надеюсь, ещё будет!) желанной гостьей сельчан. Помнится, когда ещё не сгорел в селе культурный центр, выступала там. Когда центра не стало, приезжала и читала стихи со сцены школы села Майское... И люди не переставали удивляться, сколь многообразно её творчество.

Диана Кан — поэт, один из лучших в России. Это не отменяет того, что она очень красивая женщина. Диана уехала на свою оренбургскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Самарские писатели надеются, Диана Кан ещё вернётся: без неё литературный процесс потерял множество красок. Тем не менее, именно благодаря нашей разлуке, я смог взглянуть на неё иначе, издали.

«Мы — поэты... А, значит, нам так и надо! // Не впервой терять, что с лихвой имеем, // Истекая жгучим змеиным ядом, // А отнюдь не сладковатым елеем. // Мы — поэты... И место наше в буфете. // Не на сцене и даже не на галерке. // Не в борделе, тем паче не в госсвете, // Где презаседались тузы-шестёрки. // Хоть буфетчица не похожа на музу, // Но зато без всякого промедленья, // Видя в каждом потенциального мужа, // Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья. // ...Мы пощады у Господа не просили, // Хоть и падали перед Ним на колени. // Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили, // Предаваясь самой изысканной лени. // Да не только Лене! Светлане, Кате... // Ну, а पुше — Вере, Любви, Надежде... // Мы, поэты, всегда приходим некстати. // Поименно — другие. По сути — те же. // Пусть поэзия — площадная девка — // Откликнется на любое имя. // Но при этом помнит с тайной издевкой, // Что от веку зовут её — Магдалина».

Изумляет манера стихосложения Дианы Кан, когда она, словно играючи, соединяет бытовое с бытийным, высокое с низким, пафосное с ироничным, и делает это так естественно, что понимаешь: стихия русской речи ей дана. Как сама она пишет, породнилась с Волгой. Я думаю, в этом и есть ключ к разгадке её жёсткости стихот-

ворения о самарских поэтах. Хотя, было дело, я ей попенял: ну зачем ты так?! Она рассмеялась: «Не тосковала бы — не написала бы этот стишок». Я возразил: «Какой же это стишок? Стихотворение!». Диана отрезала: «Эдуард, я пафоса не люблю. Да и слово "стихотворение" выговаривать долго...».

«Пусть вы не торжество добра и света, // Как ни крути, вас не любить нельзя — // Сценичные циничные поэты. // Закрытые самарские друзья. // Ведь я была одной из вас когда-то. // Хотела б откреститься, да никак! // Разбойные запойные ребята, // Отчеством считавшие кабак... // Немало вы кровей моих попили // Вприхлёб с самарским пивом "Жигули". // Немало, как княжну, меня топили, // Но утопить в итоге не смогли! // Не утонула, породнилась с Волгой... // Она во мне свою признала дочь. // И с той поры — увы и слава Богу — // Ни помешать нельзя мне, ни помочь. // И разве я могла в вас не влюбиться, // Как ни крутили пальцем у виска, // Когда взлетали странички-страницы // И стрелы-катастрофы в облака? // Когда, презрев досужие советы // И больше не желая быть, как все, // И я взлетала с ними против ветра // По этой чёрной взлётной полосе...»

Хочется от всего сердца поблагодарить оренбургских почитателей таланта Дианы Кан Сергея и Алину Мотыженковых, издавших замечательную книгу «Млечный мост». Но не могу не выразить недоумения: Оренбург что, так и не нашёл возможности издать выдающуюся всероссийскую поэтессу, землячку, чтобы её книги появились в библиотеках Оренбургского региона?!

«Самару в Оренбурге помнят чаще, // Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж? // И там, и тут я прослыла пропащей. // То и другое — истина и ложь. // Но этой самой истинною ложью // Спасается подлунный грешный мир, // Где дураки похлеще бездорожий, // Чумы похлеще хлебосольный пир. // Ни в Бога и ни в чёрта не поверю, // Когда уже который век и год // Чумных пиров похмелье похмелье // И порохом, и кровью отдаёт. // Текут века, а мне и горя мало. // Степным простором допьяна упьюсь... // ... Здесь, в междуречье Волги и Урала, // Моим стихом заговорила Русь. // Уральская печальная прибулда, // Самарская лукавая змея... // Как жаль, что я давно не верю в чудо, // Ведь надо верить — чёрт возьми! — в себя!»

В Оренбурге раскрывается новая грань таланта Дианы — художественная самоироничность. Вот как, к примеру, рассматривает Диана Кан свой диалог с зеркалом, который начал ещё в творчестве Пушкина в образе мачехи, завидующей молодой подчерице:

«Причешись, причепурись, // Улыбнись, примерь обновы! // — Свет мой, зеркальце, заткнись! // Мне и без тебя хреново. // По спирали жизнь бежит... // Поспирали, поспирали // Годы юный шёлк ланит, // Что остался в зазеркалье. // Эво дочка подросла, // Красотой меня затмила... // Все вы врётё, зеркала! // Хотя я правды не просила! // Строчка встала на крыло // И далёко улетела... // Ах ты, мерзкое стекло! // Ну твоё какое дело? // Бон суар, мон шер ами? // Ни фиги! Ещё не вечер! // Свет мой, зеркальце, храни // Память нашей первой встречи. // В зазеркальных тайниках // Пусть живёт девчушка эта, // Что не ведаёт пока, // Что сулит судьба поэта».

Здесь, как и у Пушкина, присутствует сравнение автора монолога, обращённого к зеркалу, с молодой девушкой. Но конфликт стихотворения Дианы — это не конфликт мачехи с неродной дочерью. Это конфликт поэта-творца стихотворений,

которые встали на крыло и улетели далеко от своего создателя. Это конфликт поэта, небесного избранника, который остаётся поэтом лишь в той степени, в какой в нём живёт детство. Самоирония пышно расцвела в творчестве Дианы Кан.

Сама Диана в шутку относит стихотворение «Разговор с психиатром о рае» к «стихам про депутатов». А эпитафией к стихотворению служат её же собственные строчки из ранних романтических стихотворений: «... и смотрят последние астры в саду // На то, как топиться хожу я к пруду...». Девушка, которая когда-то ходила топиться к пруду, выросла на радость читающей России в большого поэта, умеющего посмеяться над собой:

«Хотела утопиться в тихом омуте // Без лишних элегических затей... // Но психиатр сказал с улыбкой: «Полно-те! // Да пожалейте ж бедненьких чертей! // Ни перед кем ни в чём не виноваты, // Без потрясений и душевных ран, // Они живут не клятые, не мятые, // А тут бултых-пардон — Диана Кан!» // Сказала психиатру: «Пыл

умерьте-ка! // Я не за это деньги вам плачу. // Ведь не к лицу подобная патетика, // Любезный, ни врачу, ни палачу! // Чертям для драйва я необходима: // Мысль утопиться — это неспроста. // Уменот же устроиться, родимые — // В раю позанимали все места...».

Особенно близки у каждого поэта стихи по малую родину, тот клочок земли, из которой произрастает он корнями. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. Ведь именно в малом, в мелочах, в быту, порой человек раскрывается наиболее полно:

«Здесь растут без всяких привилегий // Придорожной сорною травой // Россыпи прибудных аквилегий, // Принятых Россией на постой. // Здесь в дожде купается купена, // Предвкусная солнечный потоп. // И ромашки всходят белопенно, // Обживая фронтовой окоп. // Это всё она, моя Россия! // Это я, её родная дочь! // Кашки сами в руки попросились — // Их сорвать хотела — да невмочь! // Прикорнул к плечу татарник милый, // Даже не пытаюсь уколоть... // ...Эх, напрасно мама попросила // Доченьку картошку прополоть!»

В своё время Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности именно как автор яркой гражданской оппозиционной лирики. Не будем забывать, что Оренбуржье, где сейчас живёт и работает Диана, да и Самарский край, ставший её поэтической отчиной, прославлены в веках, как край Пугачёвского восстания. Мало кто знает, что пленён Емельян Иванович был на территории Пестравского района. И именно через пестравское самарское село Мосты Емельян Пугачёв был этапирован к месту казни. Как ни крути, придётся признать, что неоднозначная личность Емельяна Пугачёва навек по-

роднила Урал с Волгой, а Оренбуржье с Самарским краем:

«Край мой мятежный. // Край мой крамольный... // Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит. // Край мой далекий от Первопрестольной. // Горем завейся — Москва не услышит. // Горем завейся, ветром укройся, // Песней утешься, а я буду рядом... // Ойся ты, ойся! Столицы не бойся, // Край мой крамольный, оно тебе надо? // Царь ли царевич? Король королевич? // В банке уважь их да в печь на лопату. // Кроток в молитве и страшен ты в гневе, // Край мой, кровавым рассветом объятый. // Что приуныл, опечаленный в стельку? // Что пригорюнился, счастья не чая? // Где ж он твой царь самозванный Емельяк? // Чай, ты случаем по нём не скучаешь? // Тёплым платком оренбургским закутай // Зябкую степь, что от ветра продрогла... // Вспомни свою заливчатскую удаль // И выходи на большую дорогу».

Неужто опять поэт зовёт Русь к топару, к новой революции, чреватой кровопролитием? Сейчас даже самые «оппозиционные оппозиционеры» нет-нет, да и проговорятся о том, что лимит России на революции исчерпан в XX братоубийственном веке. При этом все понимают, что идёт активное уничтожение России «новыми ляхами». И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли, что же со всем этим делать. И где же тот спаситель Отечества, которого все так ждут, но в которого при этом никто не верит?

«Он вёл их молча по былинным, // По диким муромским лесам — // Иуд, что верили наивно // В то, что и он — иуда сам. // Вёл, обходя в пути святыни, // Не трава понапрасну слов, // Духовно-ядерной твердыни, // Что называется Саров. // Он вёл их, Китеж огибая // И светлый болдинский приют... // Знать, на Руси судьба такая, // Что первыми героев бьют. // В пути не раз им повстречался // Шальной разбойник-соловей. // Вослед ведомым так смеялся, // Что листья сыпались с ветвей. // Вёл, обходя Урал и Волгу, // Хотя их никак не обогнуть... // Во временах-про странствах долгий — // Единственно возможный путь! // И мысль одна терзала сердце, // Ведомым вовсе не в укор — // Как миновать в пути Освенцим, // И Саласпилс, и Собибор?... // ...А дальше, братья-ляхи, сами. // Эх, ни покрывки вам, ни дна... // Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин — // Варшава-матушка видна!»

Сегодня снова пришло время гражданской лирики. Да оно и не уходило: уничтожение России особенно заметно в глубинке. Народ придавлен нищетой и безнадёгой, мужики стараются уехать «на севера», чтобы хоть как-то прокормить семью. А родное село без мужской руки, оставленное на женское попечение, как в войну, рушится и приходит в необратимый упадок...

Закончить своё слово о выдающемся русском поэте Диане Кан хочу поразившим меня стихотворением «Новая Марсельеза», которое на проверку оказалось пророческим. Спустя пару месяцев после его первой публикации начались события во Франции, когда французы, надев жилеты, стали отстаивать своё право на достойную человеческую жизнь...

«Пролетая, пролетая, // Как фанера над Парижем, // Пролетарий, пролетарий, // Революция всё ближе. // На гербе орёл двуглавый, // Вырезанный из фанеры. // И ни левым, и ни правым, // Ни центристам нету веры. // Толстый поп кадилом машет, // Отгоняя дух советский. // Двадцать первый век пустынный // Тупо занят жизнью светской. // Бесноватые уроды, // Что страну разворовали, // Про какие-то свободы // Будут мне читать морали? // Пролетарская Мадонна. // Православная аскеза. // Цвета марсала знамёна, // А над ними — Марсельеза».

Анатолий ЛАБУНСКИЙ

Родился в 1947 году в Вене. Член Союза писателей России, Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Автор восьми книг прозы, сборника стихов и пародий, двух пьес. Публиковался в литературно-художественных журналах «Москва», «Братина», «Московский вестник», «Русское поле», «Наше поколение» (Кишинёв), «Веси» (Екатеринбург), антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва), «Кишинёв в литературе».

...Сражение под Пилявцами стало самым позорным поражением Речи Посполитой, а для Богдана Хмельницкого — настоящим Аустерлицем. Грудь гетмана распирало от гордости: было захвачено 90 пушек и огромное количество пороха, а стоимость трофеев оценивалась фантастической суммой от 7 до 10 миллионов золотых. Правда, большая часть добычи и пленных досталась татарам, отчего в рядах казачества появилось много недоброжелателей, но вскоре они утешились, тоже ударившись в грабёж.

Война, брат, война...

Жёлтые Воды, Корсунь, Пилявцы... поля сражений, усеянные перьями, выщипанными из крыльев горделивых польских гусар, закрепили за Хмельницким звание непобедимого.

Впереди Богдана ждал Львов, который переполнили беглецы из уже поверженных городов. Все, кто избегал расправы, кто сумел выжить в безумном, кровавом вихре восстания, стремились найти спасение за древними крепостными стенами. Не зная, кому вручить свои судьбы, обездоленные беглецы доверили защиту города князю Иеремии Вишневецкому, прославившемуся своими «партизанскими подвигами», а его заместителем избрали региментария Николая Остророга.

Понимая, что осады не избежать, горожане в кратчайшие сроки собрали немалые средства для защиты города — 900 тысяч золотых и уйму драгоценностей. Но... Во все времена размер благородства измерялся тяжестью кошелька, возложенного на противоположную чашу весов. Как только войско Хмельницкого появилось у стен Львова, благородные князь Иеремия Вишневецкий и региментарий Остророг, прихватив собранные драгоценности, вместе с солдатами покинули город...

В течение недели брошенный на произвол судьбы Львов мужественно защищали обычные горожане. Он был крепким орешком: башни, валы и рвы не давали шанса на быстрый его захват. Только на четвёртый день осады опытный Максим Кривонос смог взять Высокий Замок. Во время штурмов в первых рядах, как правило, находились недавно показанные крестьяне — опытные казаки уже не горели желанием подставлять свои головы под польские сабли и пули. Их можно было понять, ведь в казацких обозах лежали горы награбленного и терять трофеи никому не хотелось. Это может показаться странным, но, судя по всему, взятие города не очень интересовало и самого гетмана Войска Запорожского. Ленивая, бесхитростная осада Львова должна была вынудить магистрат осажённого города и бургомистра Мартина Гросвайера выплатить контрибуцию за снятие осады.

Своей цели Богдан добился. 220 тысяч золотых были доставлены в казацкий лагерь. Контрибуция была получена.

Финальным аккордом осады Львова стал приказ выстрелить по городу из пушек двадцать раз, после чего Хмельницкий тут же оставил его в покое. Покидая Львов, казацкое войско основательно выжгло близлежащие сёла, разграбило несколько монастырей, не только сдирая серебряные оклады со святых икон, но и опустошая депозиты (в монастырских скронах богатые прихожане, как в банках, держали свои сбережения). Выигранные битвы при Корсуне, Пилявцах, покорённый Львов, разграбленные маетки, латифундии и фольварки принесли хороший «урожай».

Захваченные ценности не поддавались учёту — десятки тысяч возов, на которых выселись рысьи и соболя шубы, столовое серебро и иные предметы роскоши, а также ванны (!), чайники, медные тазы, вина, наливки, мёды, сладости... Всё это барахло польская шляхта тащила с собой на войну. «Была ли это ошибка слабых умов, или проявление тайной воли Божьей, которая справедливо карала за противную Богу пышность, но войско польское шло на войну, как на свадьбу или на торжественный банкет Клеопатры с Антониумом», — писал Самуил Твардовский.

Основная часть татар, угоняя тысячи невольников, направилась в Крым, с гетманом оставался только Тугай-бей с десятью тысячами воинов.

...Сидя в сёдлах, они наблюдали за бесконечной вереницей пленённых поляков и евреев, которых ожидал невольничий рынок в Каффе. Тугай-бей, которого по-

чатся за войском в обозе, но ещё ни одна не хвалилась подобным умением. Чёрные летящие волосы, горящие глаза, смотрящие прямо в душу, вызывали оторопь. Вступать в переговоры с ведьмой, тем более с жидовкой, не хотелось.

— Гетман, ты можешь проверить. Сейчас, да... Прямо сейчас. Выстрели в меня и увидишь, что я не вру. Выстрели... вот сюда.

Девушка откинула со лба прядь черных спутанных волос.

— Не бойся, стреляй. Только так ты сможешь понять, вру я или нет...

Богдан медленно вынул из-за пояса пистоль. Выстрел откинул девушку навзничь. Гетман долго смотрел на странную обманщицу.

— Дура... Хотела меня обмануть.

— Обманула... — Тугай-бей безразлично двинул плечом. — Теперь ей Каффа на страшна.

до Рима было далеко, да и Богдан не был Клеопатрой, зато золота в обозе, следующем далеко позади гетмана, было столько, что, возможно, позавидовал бы и Рим.

По правде говоря, Хмельницкого мало интересовала пышность его встречи. То, что ротозои, утопающие в пыли, поднятой его конницей, срывали с головы шапки и стибались в поклоне, его не удивляло. Так было ещё в бытность его здесь сотником, так было всегда. Но появилось и что-то новое. Многие чигиринцы, встречая освободителя, выглядели из-за своих заборов как-то настороженно, с непонятной опаской. Может быть, они не знали, чего ожидать от их внезапно прославившегося земляка? Может, они были наслышаны о повадках победителей или боялись попасть к татарам в ясырь? А что бы они сказали, если бы Богдан не оставил войско стоять лагерем на подъезде к городу, своей будущей резиденции, и не вошёл в Чиги-

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

сле совместных сражений Богдан считал побратимом, цепким взглядом, по одному только ему известным приметам, высматривал в проходящей колонне тех, кого можно было здесь, не отправляя в Каффу, отпустить за хороший выкуп. Богдана же пленники не интересовали. Похлопывая по шее своего беспокойного коня, он смотрел поверх голов в широкую степь, где составлялся обоз, увозящий трофеи в родной Чигирин.

— Гетман, гетман... Пан Хмельницкий!.. Из колонны пленных вырвалась молодая полонянка и кинулась к стоящим на пригорке всадникам. Конвойный татарин хотел схватить её за руку, но девушка ловко увернулась от него и рухнула на колени под ноги отступившего в испуге коня. Исправляя свой промах, конвой подскочил к ней сзади и, схватив за локти, резко заломил руки девушки за спину, отчего тонкая её кофточка треснула, обнажив упругую девичью грудь.

— Гетман, возьми меня...

Тугай-бей взмахнул зажатой в руке нагайкой, и конвой отступил.

Богдан удивлённо воззрился на обнажившую пленницу.

— Возьми меня с собой. Я спасу тебе жизнь!

Интересно... Что бы это могло быть? Богдан удивлённо посмотрел на своего побратима. Тугай-бей ухмыльнулся в усы.

Девушка, молитвенно сложив руки на груди, прожигала гетмана своими большими чёрными глазами.

— Возьми, ты не пожалеешь. Я умею заговаривать пули! Смерть будет не властна над тобой! Клянусь, я говорю правду!

Странно, сколько ворожей и гадалок та-

— Курва... Вот и верь после этого жидом, — Богдан плюнул и дёрнул повод.

Военная кампания 1648 года озолотила Хмельницкого. А ведь сначала он о таком даже не мечтал!

Всего четыре месяца назад Богдан был лишь жалким изгнанником, преследуемым польским правосудием. А сегодня он въезжал в город, из которого был изгнан, в город, где и он, и его отец были сотниками, в город, где стояла усадьба погибшего в Молдавии его отца Михаила Лавриновича, который основал здесь собственную слободу Новосельцы и которому гетман Данилович за добрую службу подарил родовое село Суботов с хуторами и угодьями, с каменной церковью и монастырём, построенным родом Хмельников.

В Чигирин въезжал гетман!

Гетман Войска Запорожского, разгромивший известных военачальников Великой Речи Посполитой, от одного только упоминания прославленных имён которых сами стибались спины и головы прятались в плечи. Гетман, не раз обращавший в бегство коронные польские войска! Человек, не побоявшийся поднять народные массы на борьбу за свои права!

Чигирин встречал победителя.

Сбруя гетманского коня сверкала золотом, а головной убор самого Богдана украшали два белых орлиных пера. Рядом ехал знаменосец, держащий в стремени древко личной хоругви Хмельницкого. За спиной гетмана под сенью знамён, хоругвей и полковых штандартов покачивались в сёдлах старшины и полковники его войска.

Не доставало только лепестков роз, высыпаемых на голову, и монет, швыряемых под копыта лошадей. Но Чигиринну

рин только с двумя десятками войсковой старшины.

Стоило ли обращать внимание на холупскую боязнь...

Мысли Богдана были заняты только одним. Через несколько минут он встретит свою долгожданную, свою новую молодую жену! Сердце стареющего казака трепетало в груди. Подобного он не испытывал уже много лет. Даже в самой яростной схватке, когда от сабельных искр можно было раскурить трубку, когда вражеская стрела разила несущегося рядом воина, когда в лицо ему грохотали пушки осажённой крепости, даже в секунду неожиданно сковывающего страха, сердце Богдана могло съёжиться на мгновение, но оно не вело себя так безумно, оно не пыталось выпрыгнуть наружу, оно не увеличивалось так, что не оставалось места в груди, оно не перехватывало горло так, что невозможно было дышать. Богдану хотелось хлестнуть нагайкой своего коня и умчаться вскачь туда, где ждала его желанная полонянка, его Елена, но неже было бы гетману славного войска повести себя, как нетерпеливому деревенскому парубку.

Во двор усадьбы конь внёс Богдана, как и подобает коню победителя, горделиво выгнув шею, высоко поднимая свои тонкие, в белых «чулочках» ноги. Несколько казаков из отряда, посланного гетманом вперёд, подбежали, чтобы помочь справиться командирам. Гонцы, прибывшие заблаговременно, своё дело сделали добросовестно. Вышколенная дворня выстроилась у крыльца, из открытых окон дома, от праздничного стола разносились запахи изысканных, забытых в пылу сра-

жений блюд, а на крыльце стояла в умопомрачительном наряде вождеденная красавица Елена.

Спешившись, Богдан неторопливо снял саблю и вместе с шапкой отдал подбежавшему ординарцу, отряхнул полы своего кафтана, согнутым пальцем правой руки поправил усы, и, посчитав, что сейчас уже можно, направился к простёршей к нему руки Елене.

...Несмотря на не прекращающиеся несколько дней застолия, Богдан не забывал о важных делах. В родных стенах в нём снова проснулся помещик-скопидом.

Прежде всего, все военные трофеи, золото и драгоценности были аккуратно упакованы в бочки и отправлены в надёжный схрон. Горы ненужного, как оказалось, тряпья розданы нуждающимся. Большие пожертвования Богдан отправил в построенные им ранее Ильинскую церковь и монастырь. Заказал и щедро оплатил пышный молебен в память о павших в боях казаках.

Всеми хлопотами с распределением свалившихся с неба трофеев с удовольствием занималась новая жена Богдана. Осиротевшая девушка, побывавшая то ли пленницей, то ли заложницей (против чего она, собственно, не возражала) неожиданно стала женой гетмана чуть ли не всей Малороссии. Это положение очень льстило Елене. Она не просто командовала дворней, как обычный гофмейстер, она была хозяйкой, она горстями загребала золотые дукаты и талеры и делала это не таясь, ибо надеялась — все богатства принадлежали ей.

За увлечённо работающей «мачехой» наблюдал мрачный Тимош. При виде хмурой физиономии Елена сразу вспоминала его попытку овладеть ею и жалела парня.

— Дурачок, — думала молодая женщина, оценивая коренастую фигуру гетманского сына. — Зря тебя совесть мучает. Не будь этой дурацкой истории с Чаплинским, я, может быть, тебе и не отдала. Или ты думаешь, что я ему расскажу? Не бойся... Вся жизнь впереди. Ещё не известно, что с нами будет. Ведь батько твой в постели воин не великий. Старееет...

Это было действительно так. Не раз Елена, слушая как на соседней подушке сопит подгулявший гетман, смотрела на висящие в изголовье кровати лук и саблю, и не понимала, зачем они здесь висят, ведь в супружеском ложе этим оружием запугивать её нет смысла.

Однако Елена ошибалась. Тимош совершенно не думал о своём неудавшемся попользовании. Его раздражало воодушевление этой гуляющей девки, ухитрившейся завоевать сердце его отца. Парень не мог смотреть на её подрагивающие пальцы, когда она перебирала серебряные изделия или пересчитывала золотые монеты, на светлые движения её алчных глаз, на её красивые пухлые губки, постоянно что-то беззвучно шепчущие, когда она перекладывала с места на место дорожную посуду. Вспоминала осопшую мать, беззаветно посвятившую себя мужу и детям, Тимош понимал, что рядом с его отцом появилось существо страшное и чужое.

Трофеи делили не только в усадьбе Хмельницкого.

Этим хлопотным делом занимались и в казачьем лагере, стоящем под Чигирином. Собственно говоря, раздел был закончен уже давно, но то и дело то тут, то там вспыхивали пьяные стычки, которые немедленно усмирялись сотниками. Споры эти носили частный характер, однако была одна тема, которая вызвала общее недовольство и заставила Богдана задуматься.

Вызвано это было тем, что, получив контрибуцию за снятие осады Львова, Хмельницкий двадцать процентов полученных средств забрал себе. Войско тихо заропотало, но, зная крутой нрав гетмана, на серьёзные меры не решилось. Зато, понимая, что гетман не сможет их всех проконтролировать, казаки, восполняя ущерб, принялись грабить всё на своём пути.

В таких условиях о дисциплине в войске говорить уже не приходилось, и закончилось всё неожиданно просто.

Однажды вечером, когда испивший «трошки горилки» Богдан, пощипывая струны любимой лютни, блаженствовал, в усадьбу примчался гонец из лагеря.

— Батько, казаки на круг кличут, — выпалил взмыленный хорунжий, размахивая зажатой в руке шапкой.

Гетман удивлённо взглянул на запыхавшегося гонца. Для того, чтобы созывать казачий круг, должна была быть веская причина.

— Там казаки порубали друг друга.

— Казаки?! — Богдан медленно отложил лютню. — Друг друга?!

Гетман досадливо поморщился... Это было преступление.

— Ага... Одного... Насмерть.

— Зараз буду.

— Добре, батько... — хорунжий поклонился и, неловко взмахнув рукой, выронил чёрную с разрезом на лбу шапку, которая, скользя по полу, улетела под стоящую у стены скамью. Встав на четвереньки, гонец пошарил наугад рукой, обнаружил пропажу, успевшую красным шлыком с кисточкой зацепиться за ножку скамьи, и, выравняв, скамью перевернул.

— Выбачайте... выбачайте.

Незадачливый гонец, кланяясь, попятился к двери, где висящей на боку саблей зацепил шторму и оборвал её.

— Геть, звидсы! — взревел гетман. — Тимош! Тимошка, бисова дьгына! На конь!!

...Через полчаса отец и сын Хмельницкие, в сопровождении десятка казаков, вошли в просторный курень, построенный казаками на берегу Тясмина. За столом восседал куренной Фёдор Непейшиво, полковник Михайло Кавун, войсковой «митрополит», есаул и несколько старшин.

Перед ними со связанными руками, видимо, стоявший ранее на коленях, а теперь просто обессиленно опустив свой зад на собственные босые ступни, сидел изрядно помятый человек. Он обречённо молчал, только исподлобья косил на присутствующих запыленным глазом и изредка шмыгал расквашенным носом.

— Ну? — гетман обвел взглядом присутствующих.

Все как-то напряглись, принялись отводить глаза.

— Я спрашиваю, что здесь случилось?

— Беда у нас, батько, — проворчал, вздохнув, куренной.

— Мне уже сказали. Как всё было? — Богдан грузно сел на подставленный ему затёртый походный стул.

— Убиенный украл у этого дурня вот эту цапку.

На столе, тускло играя бликами покачивающихся огоньков десятка церковных свечей, стоял вычурный золотой потир. Большая чаша на высокой массивной ноге была щедро украшена тонким литём и поделочным камнем.

— Та-а-а... — протянул гетман. — Украл, говоришь...

Убийца обречённо молчал.

— Украл, я тебя спрашиваю? — гаркнул Богдан.

Казак торопливо закивал.

— Встань, когда с тобой гетман говорит!

Казаки кинулись на помощь, и на ноги поднялся рослый, широкогрудый парень лет двадцати. Богдан внимательно рассмотрел молодого казака и с сожалением вздохнул.

— Как зовут?

— Парфений...

— Какого полку?

— Недавно показанный, — куренной Непейшиво брезгливо смотрел на вчерашнего крестьянина. — От плуга...

Богдан снова вздохнул. Жаль было этого крестьянина, этого плугаря. Ведь по законам Запорожской Сечи, он по прибытии в кош должен был пройти полное обучение — изучить войсковые порядки, выучиться «сечевому лыцарству» и только после этого записываться в «испытанные товарищи», что могло произойти не раньше, чем через семь лет. А сейчас...

— Ты наши законы знаешь?

Парфений, помолчав, кивнул.

— Теперь уже знаю.

— Тепер... — в душе Богдана жалость к

глупому холопу боролась с необходимостью вершить справедливый суд. — Так ты, Парфений, решил самосуд устроить? Тебе что, столба было бы мало? Обидчик твой был бы наказан. Воры у нас долго не живут.

— Прости, батько, прости! Христом Богом прошу, — парень рухнул на колени.

— Простить? — откуда-то из полутьмы вынырнул войсковой «митрополит» и, потрясая перед окровавленным носом Парфения золотым потиром, заорал: — Обокрали его! А это что? Откуда это у тебя? А?

Богдан, нахмурив брови, посмотрел на казака. Не выдержав взгляда, тот отвёл запыленный глаз и промолчал.

— Монастырь ограбил, — неистовствовал «митрополит». — Монастырь! Подо Львовом.

Тяжёлый взгляд гетмана остановился на поцарапанной в схватке с погибшим противником груди Парфения. Сквозь рваный ворот рубахи тускло поблёскивал маленький нательный крестик. Тяжело встав со стула, Богдан подошёл и взял его в руку.

— Ты же был православным.

«Был»... Услышав это, парень понял всё.

— По закону! — резким рывком гетман сорвал крестик.

Тонкий крепкий шнурок оставил на загорелой шее несчастного брызнувший кровью след.

Это был приговор.

— По закону! — повторил казачий круг.

...Октябрьское утро было холодным. Воды Тясмина уже успели остыть, но над рекой всё ещё появлялись жиденькие пряди тумана. Стайки ожиревших к осени уток, низко пролетев над водой, с шумом вломились в стену шуршавшего, пересохшего прибрежного камыша. Лагерь давно проснулся. Кашевары уже заливали водой тлеющие уголья костров, мыли в реке котлы, в которых совсем недавно булькал аппетитный кулеш.

Позавтракав, казаки торопились за пределы лагеря, где вскоре должно было начаться необычное зрелище. Уже была вырыта могильная яма, рядом с ней стояла телега, на которой стоял сколоченный гроб с телом проворовавшегося казака. В ожидании приезда гетмана, казаки на берегу, кто сидя, кто стоя, покуривали трубки и тихо переговаривались между собой.

...Вчера, после заседания казачьего круга, Богдан долго ворочался в постели. Неприятное событие заставило его вспомнить, что он не только человек, имеющий право казнить или миловать своих подчинённых. Нет... Он ответственен за всё, что делает его многотысячной войско, за всё, что происходит с народом, который он взялся освободить от ляхов и жидов. Когда он был помещиком, он хорошо знал, что творится в его хозяйстве и какие меры следовало принимать. А сейчас мера ответственности увеличилась во много, и уследить за порядком стало значительно сложнее. Недобрая слава гуляла в народе по следам полков Максима Кривоноса, Ивана Богуня, Мартына Пушкаря, да ещё эти неуправляемые союзники-татары, которым, в принципе, плевать на всё, лишь бы жечь и грабить. По правде говоря, Богдан знал, что полки Максима Кривоноса, состоящие сплошь из недавних холопов и батраков, в грабежах практически ничем не уступали татарам. Не удивительно, потому что рядом с татарами любой православный, пользуясь правом сильного (наличием сабли в руке), станет вести себя, как обычный грабитель.

Вот и Парфений.

«Украл в церкви. И таких много. Бедность... Зависть... Кто-то украл больше, кто-то меньше. Возникает желание не прогадать, не упустить добычу. И вот — смерть. Казак убил казака, — от этой мысли Богдан содрогнулся. — Что если это только начало? Нет... Не допущу. Есть закон!»

...Как только на горизонте, в розово-оранжевом утреннем зареве, охватившем часть небосвода, появилась кавалькада Хмельницкого, стремительно несущаяся в сторону лагеря, загремели огромные боевые котлы. Раздетые до пояса загорелые добышки, держа в каждой руке по мас-

сивной войлочной колотушке, с размаху долбили в голосистые тревожные барабаны. Далеко окрест разнесся низкий, будоражащий душу гул, дрогнула земля, испуганные чирки стайкой выпорхнули из прибрежных камышей и, пролетев над водой, умчались в более безопасное место.

Почти одновременно с группой всадников, но уже со стороны лагеря, к свежесрытой могиле казаки подкатили воз, в котором угадывались очертания накрытого попоной сидящего человека.

Богдан, Тимош и прибывшие с ними старшины спешиваться не стали. Видимо, долго задерживаться здесь гетман не собирался. Слегка привстав на стремянах, Богдан оглядел всех собравшихся, затем повернул голову к замершей в ожидании охране и еле заметно кивнул.

Попону сдёрнули.

Под ней в скорбной позе, низко опустив голову, с кляпом во рту сидел связанный Парфений. Его бил озноб. Может быть, ему, действительно, было холодно в это промозглое октябрьское утро, а может...

— Братья! — гетман ещё раз обвел взглядом притихшую толпу казаков. — Братья казаки! Вы знаете, что произошло. Казак поднял руку на казака... Поднял руку и отнял жизнь. Это великий грех. Никто не имеет право делать то, что позволено только Господу Богу! Но у нас есть закон. Закон, благодаря которому десятки лет стоит и стоять будет Сечь Запорожская. Закон, который сделал нас всех вольным казачеством. Поступим же по закону!

Качнулась многоликая, разношёрстная хмурая толпа и шумно выдохнула:

— По закону!

Обречённого схватили и, ставив с воза, поставили перед гетманом.

— Скажешь людям?

Изо рта Парфения вытащили заслонявленный кляп. Парень пожевал затёкшими губами и, глядя в землю, прохрипел:

— Простите, братья... Простите, казаки...

— В очи! В очи людям смотри! Братья...

Стоящий рядом с Парфением казак легко, как-то даже по-дружески толкнул его в плечо, от чего парень покачнулся, удивлённо взглянул на толкнувшего и, не удержавшись на ногах, рухнул в яму.

Упавший на дно могилы человек от неожиданности минуту молчал, лёжа на спине, и наблюдал за суетящимися на краю казаками. Но когда в руках у них появились верёвки и лопаты, он дико заорал. Это был не крик, это был дикий вой, вой отчаяния, вой зверя, попавшего в западню. Вой смиренного яростным рычанием, видимо, смертник безрезультатно пытался разорвать сковывающие его путы, затем в бессильной злобе он снова перешёл на вой и, в конце концов, тихо заскулил.

— Братья, простите... Братья, казаки, ну он же ж меня обокрал. Ну, подрались мы. Хлопцы... Если б не я его, так он бы меня... Батько, гетман, помилуй, ради Христа...

Казаки молча слушали несущиеся из-под земли крики.

— Батько, — Тимош нагнулся в седле поближе к отцу. — Глотку ему надо было бы заткнуть.

— Нет, сынку, — непреклонный Богдан покачал головой. — Пусть все слышат. Чтоб неповадно было на казака руку поднимать.

Вдруг крики прекратились.

Заживо погребаемый увидел, как на него, медленно покачиваясь, спускается гроб. Да, на приговорённого к страшной казачьей казни опускали гроб с телом убитого им казака. Понимая, что грязное дно нетёсаного самодельного гроба, заслонившее чистое утреннее небо — это всё, что он будет видеть по самой своей кончины, живой покойник попытался докричаться:

— Он вор!! Он вор!! Я не виноват! За что? За что??? Креста на вас нет...

Тяжёлый гроб вдавил в сырую глину несчастного, который продолжал кричать.

— За что?? Вы сами воры. Все! Все вы воры...

По крышке гроба загрохотали комья сбрасываемой земли. Гроб становился всё тяжелее и тяжелее.

— Воры... Воры и убийцы. Грабители... Будьте вы прокляты... Будьте вы...

Рыцарь Великого княжества

Любителям поэзии надолго запомнилась встреча, посвящённая памяти Константина Шишкана, поэта, прозаика, кинодраматурга и переводчика, которая состоялась в Кишинёвской русской библиотеке имени М. В. Ломоносова

Трагической страницей биографии известного молдавского писателя, родившегося в 30-е годы, стал фашистский концлагерь во время Великой Отечественной войны, куда он попал подростком. Вернувшись на родину, окончил историко-филологический факультет Кишинёвского государственного университета, а печататься начал ещё до студенческой поры.

Монологи о вехах удивительной жизни удивительного человека перемежались с чтением его стихотворений о войне, любви, природе. И снова воспоминания — то грустные, то весёлые, но непременно согретье теплом доброго сердца Константина Борисовича. Вспоминая писателя, Маргарита Щелчкова, директор библиотеки, Валерий Клименко, лидер общественно-политического движения «Равноправие», Олеся Рудягина, председатель Ассоциации русских писателей Молдовы, поэты Валерий Шварц, ваша покорная слуга и Нина Авидон, к книге которой Константин Шишкан написал тёплое предисловие-напутствие, говорили о его необыкновенной чуткости, щедрости сердца, доброте и редком чувстве юмора.

Он заведовал отделом литературы и искусства в Госиздате МССР, был литконсультантом Союза писателей Молдовы, в течение двенадцати лет возглавлял литературный журнал «Кодры». Доктор искусствоведения, старший научный сотрудник

Академии наук Молдовы, он был и остаётся почётным членом правления АРП РМ, членом Союза писателей России и Молдовы. Сценарист художественных фильмов для детей и юношества киностудии «Молдова-Фильм» «Спасённое имя», «Никушор из племени ТВ», «Как стать знаменитым». Автор около тридцати книг поэзии, прозы, эссе, повестей и романов — общим тиражом в миллион экземпляров! Его рассказы, статьи и стихотворения переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, польский, чешский, болгарский, идиш, татарский, украинский и другие языки. Пять книг изданы на молдавском.

Перу писателя принадлежат поэтические книги: «День в лесу», «Ожидание», «Откровение», «Океан тревоги», «Лесные звёзды», «Крылатые цветы», «Песни чудореза», повести «Колесо над пропастью», «Листья огня», сборник «Неразгаданный материк», роман «Молнии в снегу», «Нитью дышанья...: избранные строки и страницы». Поистине — рыцарь Великого княжества.

Константин Шишкан охотно и мастерски переводил стихи молдавских поэтов на русский язык. Он — автор-составитель (совместно с С. Пынзару и С. Прокоп) важного филологического исследования «Библиографический словарь-справочник: русская литература Молдовы в лицах и персоналиях. (XIX — начало XXI в.)». Заслуженный работник культуры РМ. Кавалер ордена «Знак почёта», лауреат Пушкинской премии.

Константин ШИШКАН

У земли под сердцем

(отрывок)

Родился я в Молдавии, в Кишинёве. Отец умер, когда мне было пять лет. В детстве я мечтал стать художником. Наверное, потому, что дед писал картины, дочери его стучали молоточками чеканщиков, а дядя — материн брат, старавшийся заменить мне отца, Борис Несведов, — прошёл с винтовкой и кистью по дорогам войны до Берлина. Там он штурмовал рейхстаг, а потом, сидя на лафете разбитой пушки, рисовал его расстрелянные стены.

В апреле — мае сорок пятого, вспоминает ленинградский художник В.А. Андреев, Ставка Верховного Главнокомандования дала мастерам кисти наказ: разработать проект трибуны в центре Берлина для Парада Победы. Принял участие в этой работе и фронтовой художник Б. Несведов. Его проект одобрили, и автор срочно вылетел в Москву.

И вот пал Берлин. Поднялась на центральной магистрали Тиргартенпарка монументальная трибуна. Парад, к сожалению, по каким-то причинам не состоялся, но трибуна продолжала стоять, притягивая к себе бесконечные экскурсии воинских подразделений. Стоя на её торжественных ступенях, фотографировались тут на память целые батальоны. И автором уникального сооружения был мой дядя — фронтовой художник и боец Борис Несведов!

Мог ли я не мечтать о судьбе художника? И каждый день теперь, после возвращения дяди с войны, я старался проснуться чуть свет, на цыпочках крался мимо спящей матери к дверям, чтобы выскользнуть во двор и отправиться на кладбище рисовать.

Кладбище напоминало музей под открытым небом. Тут были могилы современников Пушкина, в густой траве прятались их склепы с белыми ангелами; за решётками беседок на чёрных мраморных, с синими молниями прожилков постаментах стояли чопорные бюсты гусаров, драгунов, каких-то княгинь и миллионерши-зеленщицы. На земле покоились толстые плиты известняка с затейливыми письменами турецких, греческих, сербских, болгарских и бог его знает каких ещё могил!..

А рядом стояли строгие пирамидки с красными звёздами и в жёлтых гильзах от снарядов горели гвоздики.

Дядя часто рассказывал мне о военных буднях, о том, как ходил в разведку за «языком»; читал стихи, мягким баритоном пел фронтовые песни, и перед моими глазами опять вставали картины, увиденные во время войны. В привычные рамки холста они почему-то не укладывались. И появлялись строки, которые не приходилось выдумывать:

Я рос балованным мальчишкой —
На всех в концлагере один,
Худой, в золотых штанишках,
Страны советской гражданин.

Война застала меня на перроне вокзала в Бендерах. Сполошно гудела сирена, кричали, захлёбываясь, паровозы, металась люди. С ноюще-звонким свистом неслись на город самолёты.

В несколько минут всё перемешалось — дым, вспышки, звон бьющегося стекла, отчаянные крики.

В памяти навсегда осталась высокая фигура красноармейца. Он стоял на перроне, широко расставив ноги в серых ботинках, и деловито целился из трёхлинейки в чёр-

Проникновенно, трепетно делился воспоминаниями об отце сын писателя Александр. Предки Константина Борисовича не признавали национальных и сословных предрассудков: молдаване, русские и украинцы, художники, музыканты, мастера (гравёры и чеканщики), крестьяне, казаки, дворяне, архитектор, радиотелеграфист военно-морского флота и полный георгиевский кавалер в первой мировой войне.

Согласно семейному преданию, род Шишкан происходит из села Шишкань Ниспоренского района. Самый ранний установленный пращур по мужской линии — Андрей Шишкан. Жил в XVIII веке и был основателем церкви в теперь пригородном посёлке Дурлешть, которая стоит по сей день. Во дворе церкви покоится с миром прах Андрея как основателя храма и его потомков. Правнук его переехал в Кишинёв и был назначен директором телеграфа. Отец Константина, выпускник Высшей школы экономики, женился на Марии Несведовой, но, увы, рано умер, ещё до войны, у них успел родиться только один ребёнок. Родители Марии переехали в Кишинёв из Полтавской губернии. Мать Константина и её сестра рассказывали: Улиана Левченко была из зажиточных, но влюбилась в бедного художника Георгия Несведова. Георгий Ефимович расписывал Мазаракievскую церковь, которая и сегодня красуется в столице на берегу реки Бык, недалеко от памятного камня с надписью: «Здесь был основан Кишинёв». Он оставил несколько картин, хранящихся теперь в Национальном художественном музее Республики Молдова.

Помогал растить маленького Константина их брат, художник Борис Несведов. Одна из трёх больших картин,

встречающих посетителей при входе в Национальный музей истории Молдовы, принадлежит его кисти. Бориса Несведова знают по иллюстрациям к книге «Андрей» Эмилиана Букова и сборнику «Молдавские сказки», а также по замечательным декорациям к спектаклям Театра оперы и балета. Во время войны он прошёл боевой путь от Великих Лук до Берлина и отвечал за оформление англо-советско-американского (официальное название, по датам вступления в войну) Парада Победы в Берлине, о котором долго не вспоминали из-за холодной войны. К сожалению, и сейчас мало кто об этом знает.

Несведов иллюстрировал первые книги Константина: сборник стихотворений для детей «День в лесу» и «Живая дверь». Позже Константин Борисович написал статьи, монографию и диссертацию о творчестве Бориса Несведова, за которую был удостоен звания доктора искусствоведения.

Стихотворения о любви и песни Константин Шишкан посвящал своей жене Надежде, урождённой Горбовой. Родилась она в Казахстане, в русской семье, но были среди её предков и казахи, и все очень дружили. Отец погиб в бою в 1943 году под Ростовом-на-Дону. Вместе с ней в Кишинёв переехала и её сестра Валентина, работавшая в горкоме. Под её руководством в Кишинёве были открыты несколько библиотек, в том числе, Ломоносовка.

В исполнении пианиста и композитора Олега Негруца и баритона Владимира Митрашевского на вечере прозвучали две лирические песни на стихи Константина Шишкана «Улетело лето» и «Глаза весенние».

Наталья РОДИНА

новый крест на жёлтом крыле самолета. Вокруг плясали фонтанчики пыли, поднимаемые пулями, падали острые осколки, а он стоял, словно это его не касалось.

И странное дело: я перестал бояться. Напрасно мать с силой пригнала меня к земле — я упрямо поворачивал голову к красноармейцу...

А потом была длинная дорога эвакуации. Тревожные дни, бессонные ночи, бомбёжки, пустые овечьи кошары.

Детство моё было «военным». Иначе, собственно, его и не назовёшь...

Где-то на железной дороге, у полустанка, из нашего товарняка, светившегося дырами от пуль, вдруг высыпали на землю все пассажиры, даже старые и увечные. На соседних путях стоял разбомблённый состав. Он вёз детей. И вот теперь этот поезд был уничтожен.

Словно сорванные шляпки белых грибов, валялись на развороченной земле панамы.

Наш товарняк продолжал ползти на восток, а люди, сняв головные уборы, опустив головы и стиснув зубы, молча шли рядом, отдавая дань скорби тому, что осталось от детского эшелона.

В память врзалась рыжая воронка и на её дне — голубые сандалики...

Та бомба разнесла, разметала мой смех, сожгла моё утро, опалила день...

И снова бежал товарняк, снова охотились за ним чёрные кресты и бомбы пытались вырвать из-под него землю.

Оккупанты настigli беженцев на Северном Кавказе, в казачьей станице.

Нас — молдаван, русских, украинцев — погнали по этапу, на прежние места жительства.

Село Богдановка, Южный Буг, концлагерь...

Вот что рассказывает об этом уцелевший от расправы мой земляк Климов Борис Филиппович: «Жизнь лагерников была ужасна, в свинарнике, где раньше помещалось около 200 свиней, находилось свыше 2000 человек, вместо подстилки для свиней осталась только прелая солома, на которой лежали люди, в том числе старики и дети. Значительная часть людей находилась под открытым небом. Арестованные полностью были лишены пищи, воды и утоляли жажду снегом».

Такое это было место. На восточной окраине совхоза «Богдановка» землю рассекал глубокий овраг. Этот разлом вел к Бугу. Заключённым приказали возвести земляную плотину, чтобы задержать потоки крови, струившиеся по склонам оврага в реку.

Жертвы карателей падали с обрыва в огромный костёр, сложенный из дров, камыша и соломы. Детей бросали в огонь живыми. «Рабочие бригады», составленные из тех, кого ждала смерть, стоя в лужах крови, складывали тела расстрелянных штабелями на костёр.

Прошла война, а я, мальчишкой видевший рождение и смерть, долго не мог привыкнуть к мирной жизни. Громкий смех казался мне издевательским; гремел весенний гром, а глаза искали укрытие; пролетал, звеня, шмель, а голова сама уходила в плечи; солнце по утрам слепило вспышкой взрыва; вой ветра за окном звучал плачем женщины, получившей похоронку. А после слов диктора радио «Говорит Москва» я, обмирая, ещё не один день ждал сообщения Совинформбюро...

Олеся РУДЯГИНА

Недозрело яблоко рая...

***
Вот новость — дождь,
так долго жданный летом,
нелепый нынче в щедрости своей.
Планета осень, тленье,
и об этом
стремительность
и нежность наших дней.
Оглядываться — времени не хватит,
и, к морю отпуская только в снах,
жизнь промотает нас, прожжёт,
растратит,
остынет пеплом горьким на губах
всех в мире войн,
безденежья и страха,
отчётливым предчувствием потерь...
Но на краю отчаянья и краха
в бреду есть брод
и — отвратима плаха:
Люблю. Любима.
Навсегда теперь.

Баллада о маленьких беженцах

Вещи сложены. Мама
перед дальней дорогой
долго-долго глядела
в дорогое лицо, —
Крепко спал человечек
четырёх лет от роду, —
и теснил ей дыханье
стон — блокады кольцо...

В эту ночь в Ленинграде,
слепотой затемнения
пораженные окна
не смыкали очей:
Собирали родные
беглецов — во спасенье,
от души отрывали
свет её — малышкой.

Перед дальней дорогой,
перед горькой разлукой
столько слов находилось
несказанных, святых
сколько сказок волшебных
сердце выстучит гулко,
чтоб запомнил — до встречи —
мальчик маленький их!

Утром шли они бодро,
крепко за руки взявшись,
на вокзал заполошный,
от панамок рябой,
Но у двери вагона,
напоследок обнявшись,
задохнулась слезами:
«До свиданья, родной!»

Сорок первый год. Август.
Поезд, — мирное слово, —
от забвенья и смерти
сказки он увозил...
У деревни Лычково
стук колёс оборвался —
тот детсадовский поезд
«Мессершмитт» разбомбил.

И сбежалась округа.
Пальцами разгребая
угли жаркие, бабы
голосили: «За что?!»
И баюкали мёртвых,
имена знать не зная,
и атели панамки,
бе-лос-неж-ные —
до...

Год дракона

Сидишь себе — и пишешь,
идёшь себе — поёшь...
Упал, звеня, на крышу
вверх решкой лунный грош —

Вот вся моя наличность
на десять дней вперёд,
Земля вершит обычный —
вкруг солнца — оборот.

И на своих законных,
испытанных местах
принцессы и драконы,
и ведьмы на кострах!

Жируют, сатаня,
вельможи, прочий сброд,
«безмолвствует», точнее,
потворствует народ.

Дичает помаленьку,
без счёта водку пьёт:
По шапке, знать, и Сенька,
по дереву и плод!

Не будоражит боле
пытливые умы
рецепт забытой воли —
зарок «Рабы — не мы!»

Рабы немые — свалка,
торжище — кто по чём...
Вот только деток жалко,
они-то ни причём.

Под яростную дудку
попрания основ
к религии желудка
ведет их Крысолов.

Нет аккуратней мести
за промахи отцов,
чем: «Выбираем пепси!» —
беспечный хор птенцов.

Охочи до игрушек,
глухие к зову книг —
жевательные души,
космический тупик!

Они ещё вернуться,
взорвав свой интернет —
Пророки содрогнутся
от дьявольских примет!

...Что, Ланцелот, не весел,
где стать твоя, мой свет?
Я нам горшочек песен
сварганю на обед.

Ты ж, меч свой бесполезный
давно сменив на кисть,
рисуй, рисуй железный
век и за всех молись!

Вокзал. Цветок.

Снежок и вечный запах печки,
оставшийся лишь на вокзалах,
озноб нечаянный, свирели,
не слышной никому, печаль,
плацкарта дух неодолимый,
и верхней полочки качанье,
в окно гляденье, засыпанье,
да трёхтаможенная даль...

Ещё стоять минут пятнадцать,
ещё толпятся у вагона
смурные личности и ксивы
суют под нос проводнику,
меня никто не провожает,
к киоску можно отлучиться, —
полюбоваться шаурмой
(поскольку рублики — ку-ку).

Ну вот, затарилась: две булки.
Чего там ехать? — день да ночь!
Последним взглядом обнимаю
московский Киевский вокзал,
шагаю в пасть змеи железной,
(устала — смерть!) и вот качнулся,
так плавно вдруг почухал поезд,
и кто-то следом побегал.

Потом напишет друг печальный
из жизни странной, виртуальной,
что проводить меня спешила, —
да я ж вагон не назвала!
Но долго мне в окно светила
звезда — цветочком в целлофане,
хранящим от вселенской стужи
меня и от земного зла...

Не помня названия

Старинный марш «Прощание славянки»
На свадьбах здесь, в Молдавии, играют,
И очи спелые невесты-молдаванки
Исполнены сиянья и росы...
Но холодок змеится меж лопаток, —
О, скольких эта музыка отпела,
Отцеловала да отпровождала
на всех перронах вздыбленной Руси!..

Тараф вскипает, гости прибывают.
Стемнело. Свадьба только расправляет
Ночные крылья, и синкопы скрипка,
Захлёбываясь удалью, частит!
«Прощание славянки» беспечально
Венчает встречу. Что ж, и слава Богу...
А только зябко мне, и то и дело
Висок чужая память холодит.

Усталость

«Не позволяй душе лениться...»
Н. Заболоцкий

Давай поленимся, мой свет!
Постелем ночь, просним рассвет,
Я так его в седле встречать устала!
Давай коней отпустим в степь,
Костёр зажжём, — в него глядеть,
И песни петь, моргать, молчать, —
ну, разве, мало?!

Ах, не в романтике прикол,
Но в суете встал на прикол
Кораблик, что ветра цветные гнали!
И наш заветный «вечный бой»,
Мой кареглазый, мой герой,
Впрок вдохновенье напоит едва ли!

Отдохновения прошу!
Меж пальцев лунный корж крошу...
Прислушайся — сверчки,
стон вещей птицы!

Земли июльской жар и хмель —
Не ад, не гибельная мель,
А тот шалаш, где с милым —
рай лениться...

***

Мамочка — печальная
деточка войны,
бремя изначальное
без вины — вины:
вечный призрак голода,
тлеющий пустырь,
Господи, как холодно! —
прибыли. Сибирь...

Жизнь — эвакуация
из дражайших мест,
где конечной станцией
лес забвенья. Лес —
вьюгами стреноженный,
смертный волчий вой, —
болью вдоль исхоженный
маленькой тобой.

Самоотрицание —
путь в твой первый класс!
Детством испытание
длится посейчас:
Одинокость колкая
хрупкого дичка,
снег в глаза осколками —
А дочка...

Из цикла «Записки звукорежиссёра ТВ»

«Взвейтесь кострами», «Солнечный круг»,
Вальс, отзвучавший в прошлом столетье,
«Вихри враждебные» и «Если друг...» —
голос страны, самой лучшей на свете.

Вот воскресает чудесно она, —
лишь три минуты длится бобина...
Я «чищу фонд», фонотеке верна, —
келье спасительной. (Век мой — чужбина!)

В этих коробках — ушедших эпох
ритмы: и страсти, и упования.
О, как мне дорог каждый ваш вздох, —
ясных смычков тех оркестров старанья!

Что ж ты рыдаешь, сердце моё?..
Снова упрямо склеивать буду
плёнку усталую — жизни быльё:
радость, отчаянье, веру, остуду...

***

Питер мой, Петроград, я видала в окне,
как вознёсся, ликуя, смычок...
Я никто для Тебя: не скрипач, не аккорд,
не окно, не за печкой сверчок...
Я никто. Отраженьё моё — не навек,
не запомнит его зыбь Невы...
«Соотечественник», — былой человек
неподкупной великой страны...
«Ближнее зарубежье», — лукавая ложь...
Снявши голову, плачь о корнях!
Расчленённой берёзой
пространству болеть
в окаянных — по Бунину — днях...

Дождливый день в деревне у отца

Долгий медленный дождь
над сомлвевшей Волокой*,
всхлипы иволги, — пленницы лета, —
всё глупше,
от когда-то — в «день третий» —
означенной суши
не осталось ни пяди
в тиши волоокой.

Поднимается лес по теченью
всё выше,
небесами смиренно
трава прорастает,
Слышно лишь, как во сне,
осторожная, дышит,
притаившись в ветвях
голубинная стая

листопада грядущего... И от порога
взгляд скользит по волнам,
в зыби их различая:
вот скатилось в подол
босоногого бога
недозрелой звездой нежной —
яблоко рая...

* деревня под Черновцами

Иволга

От птицы до звезды —
подать крылом.
От птицы до звезды —
мгновенье лета,
Когда, прильнув к дыханию рассвета,
Душа моя не помнит о былом.

Любить тебя.
От птицы до звезды,
не меркнувшей
в луче зари неспешном,
жизнь пролегла в сиянии кромешном —
цветущие и певчие сады...

Виктор КУШНИРЕНКО

Известный молдавский пушкинист, автор фундаментальных исследований о жизни и творчестве А.С. Пушкина в Бессарабии и южной России. Его работы — лауреаты многих престижных международных и национальных конкурсов.

Книга «Священна для души поэта...», отрывки из которой мы представляем читателю, рассказывает о путешествии автора по тем местам южной Бессарабии, в которых с 14 по 23 декабря 1821 года побывал Александр Пушкин в поездке с полковником И.П. Липранди. В книге разворачивается уникальная панорама событий, происходивших в этих местах с древнейших времен и свидетельствующих о глубочайшей связи Пушкина и его рода, его бессмертных произведений с молдавским краем и о славном содружестве Молдовы и России.

По старой почтовой дороге

14 декабря 1821 года полковник Иван Липранди и коллежский секретарь Александр Пушкин поутру выехали на почтовых за Бендерскую заставу. Впереди было 570 вёрст. Поэт был, безусловно, рад возможности увидеть то, о чём столько уже прочитано в лицее, в описаниях молдавского господара Дмитрия Кантемира, в библиотеке Липранди, его записках, о чём столько переговорено со Стамати. Да только ли с ним: сколько русских офицеров, военных топографов колесило по Бессарабии, сколько участвовало тут в русско-турецких войнах!?

Непросто передвигаться по неустроенным ещё дорогам Бессарабии: Пушкин запечатлеет дорожное настроение в стихотворении «Телега жизни».

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: «Пошёл, ...!»
Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас: нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: «Полегче, дуралей!»
Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

Липранди и Пушкин начали свой путь из Кишинёва в Бендеры вдоль реки Бык. Это было довольно опасно: до весны 1824 года эти места находились под контролем гайдука-разбойника Урсула и его «отважных». Они наводили ужас на весь Кишинёв. И об этом знал Пушкин. А Вельгман в воспоминаниях о Бессарабии даже утверждал, что именно образ Урсула вдохновил поэта на поэму «Братья-разбойники». Он же подробно описал, как однажды на этой дороге Урсул и его помощники совершили налёт на купца, ехавшего из Бендер в Кишинёв, а потом вздумали пировать в корчме, что стояла близ города. Увидев их взмысленных коней, избитый, раздетый купец бросился в город, поднял всю Булгарию, почтмейстера Алексева. Урсула поймали в огородах, посадили на цепь на площади. Однако он не просил о пощаде, а мужественно носил сыпавшиеся на него оскорбления и камни. Это не вымысел. Такой разбойник не только был, но и сбегал из острога. И долго ещё гулял на свободе.

На горе хорошо видно осевшее между пятью холмами старинное село Мерень: великий русский поэт не только здесь останавливался, но, возможно, и пил чай или вино, заглядываясь на местных красавиц, заговаривая их своей быстрой, приятной, увлекающей речью...

На первой станции

Создатель музея Лариса Барбарошине немало времени провела в архивах, собирая по крупицам сведения о родном селе, и точно знает, что в XV—XVI веках через село проходил тракт Оргева — Бендеры.

Что же представляла собой почтовая станция пушкинских времен? Ответить на этот вопрос было бы трудно, если бы в 1972 году в Выре — третьей от Петербурга на Белорусско-Киевском почтовом тракте — не был бы открыт собранный по крупицам «Домик станционного смотрителя», а при нём — музей дорожного быта начала XIX века.

Возле каждой почтовой станции стоял полосатый верстовой столб. На здешнем должны были следовать надписи: «От Кишинёва — 20 вёрст», «До Бендер — 25 вёрст». Двор станции обычно составляли жилище смотрителя, конюшня, амбар, коновязь, колодец и пожарная каланча. В повести «Станционный смотритель» Пушкин признаётся: «...в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела...»

Каким же был дом смотрителя? В нём имелись небольшие сени, «чистая половина для приезжих», «ямщицкая», комнаты для семьи смотрителя. В сенях — «Высочайше утверждённые дорожные

сённый к X классу по табелю рангов, Пушкин мог получить на станции только трёх лошадей. Когда же он был с Липранди, то им полагалось больше: чин полковника — VI класс. С Липранди они двигались быстрее обычного. Как-никак, а у того был срочный приказ командира дивизии. К тому же, приближался инспекторский смотр. Но требовать быстрой езды могли не все. В правилах для проезжающих сказано: «Никто не имеет права принуждать ямщика без перемены лошадей проезжать станцию, также и к скорой езде; ибо ямщики должны везти в час неотменно: обыкновенных проезжающих в летнее время 10, в зимнее — 12, а в осеннее — 8 вёрст. Курьер же и фельдъегери имеют быть возимы столь поспешно, сколько же будет возможно».

Пушкин в «Евгении Онегине» заметил:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...

А в 1829 году, размышляя о своей судьбе, он напишет «Дорожные жалобы».

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь ссудил,
На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранном мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб слагбаум влечит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине...

Но даже через и безысходность он умел пройти, сохраняя веру в радостное и достойное будущее России. И было бы несправедливо не вспомнить вновь «Евгения Онегина»:

....дороги, верю,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут...

Мосты чутунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

Многое теперь изменилось в селе, которое впервые упоминается в документах за 25 сентября 1474 года в связи с одной из побед господара Молдовы Штефана чел Маре над османами. Это было время, когда господарь отказался от платы дани турецкому султану и передачи ему пограничных крепостей — Четатя албэ (ныне — Белгород-Днестровский) и Килии. Уже поздней осенью того же года султан послал против Штефана армию в 100–120 тысяч человек во главе с пашой Сулейманом. Молдавская армия вначале отступала, но, собрав войско в 40 тысяч человек, Штефан 10 января 1475 года решительной

атакой разгромил врага у Васлуя. Эта победа произвела огромное впечатление на современников. Маленькая Молдова удивила всю Европу, боявшуюся янычар больше, чем чумы. Эту победу отмечали в Кракове, Риме, Вене.

5 сентября 1605 года селу пожаловано свидетельство о его границах. Земли принадлежали одно время Кэприанскому монастырю, затем Д. Рышкану. В 1817 году в селе было уже 141 хозяйство, 193 жителя. Каменная церковь появилась в 1818 году, а до неё с 1779 года стояла деревянная. Село окружали 6 садов, 3 виноградника, 10 ветряных и конных мельниц, пруд. Понятно, что церковь, мельницы, пруд хорошо были знакомы поэту.

Издавна тут помнят кузнецов: старую кузню снесли не так давно. Стояли тут и цыганские таборы. Не одна цыганская скрипка украшала здешние свадьбы...

В декабре 1821 года Пушкин, вне сомнения, мог слышать весёлый перестук выколотов, которыми выбивали здешние мастерицы клетчатку из конопли. Одна из таких выколотов хранится в музее села. Рядом с нею трепалки, щётки, пряжа, украшенные молдавским орнаментом коврики, полотенца, блузки.

В музее нельзя не обратить внимания на экспонаты, которые напоминают о Пушкине. Вот тарелка XIX века. На ней изображены Адмиралтейство, Зимний дворец, Академия художеств, памятник Петру Первому, в центре тарелки — Исаакиевский собор. А вот шкатулка с сейфом для монет, сделанная в Полтаве в 1899 году, к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В местной библиотеке произведения Пушкина на русском и молдавском языках стоят на видном месте. А вот до войны и во время фашистской оккупации Пушкин был запрещён. У кого находили его стихи, строго наказывали...

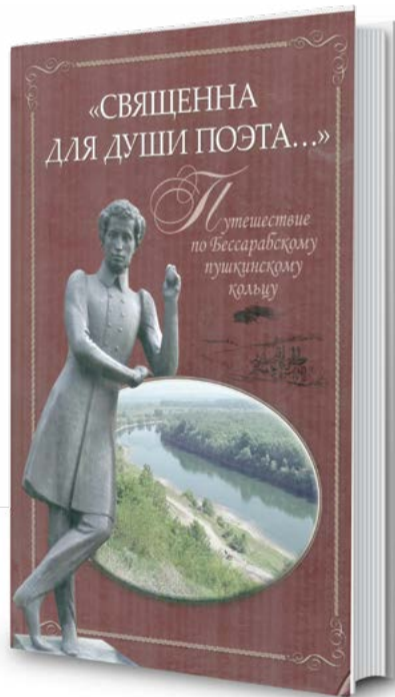
Театр великого поэта

Во время поездки Пушкина декабрь не был ни снежным, ни холодным. Обращаясь в те дни к нему, поэт писал в послании «К Овидию»:

Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там, а с вешней теплою
Здесь солнце ясное катило предо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля
взрывал уж ранний плуг...

В такую погоду в сани не садись. Единственно надёжное средство для передвижения — кэруца. Но вот что пишет побывавший в 1829 году в Бессарабии молодой лекарь В.И. Даль, судьба которого сведёт с Пушкиным в смертельном для поэта 1837 году на Мойке, в Петербурге: «...каруцы, собственно почтовый экипаж, перекладные бывают полтора аршина длины и едва более вышины от земли; почему и походят почти на ручные повозки. Вы садитесь, согнув ноги или подвернув их под себя, ямщик верхом на левой коренной, и четвёрка с выносом мчит вас через пень, через колоду, едва переводя дух на половине дороги, где суруджиу с замечанием "жумэтата де друм" слезает с голого своего арчака».

Что бросалось в глаза путнику в Кишинёве на Каушанской улице? По левую сторону и сейчас стоят частично или полностью сохранившиеся дома Константина

Стамати, Тудора Крупенского и Егора Варфоломея. Но уже не увидеть ни дома Кешко (Другановой), где квартировали друзья поэта — офицеры дивизии Охотников и Раевский, ни дома боярина Ралли, тесно связанного с судьбой создания поэмы «Цыганы». На их месте — парк Победы (ныне Соборный сквер), русский драмтеатр им. А.П. Чехова да супермаркет. Не сохранились и стоявшие поблизости, на Губернской улице (ныне Пушкина), митрополия, кондитерская Манчини, почтовая контора, дом и канцелярия Орлова на Купеческой. Не сохранилось многое.

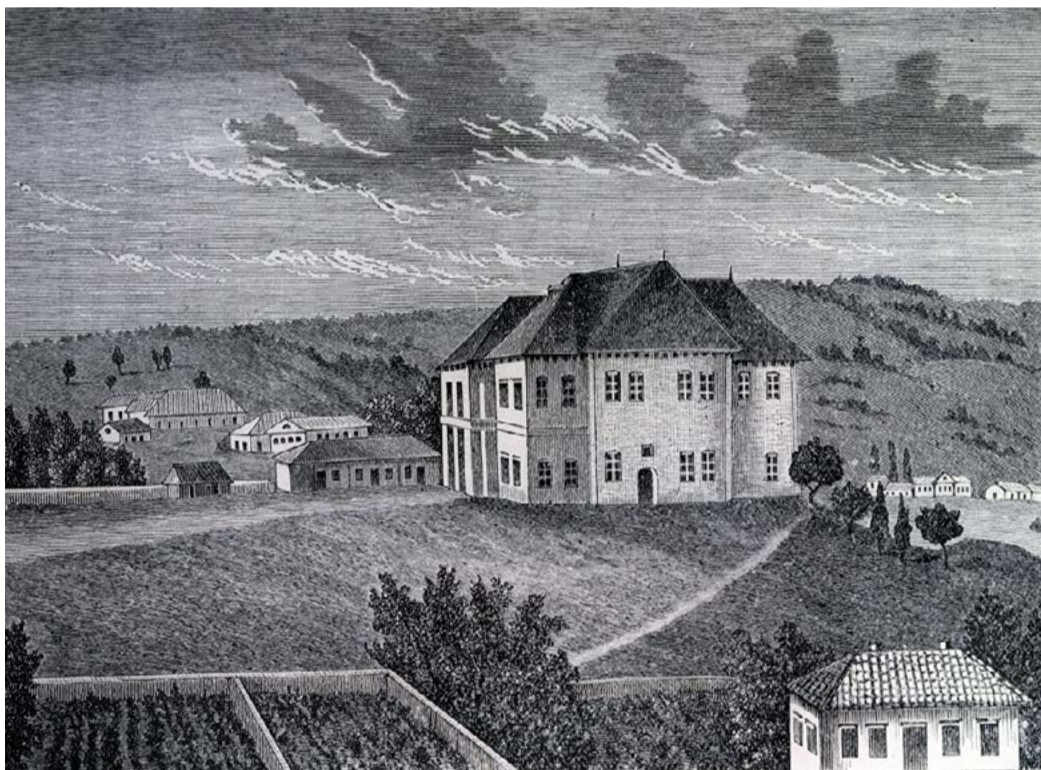
Глядя на чудом уцелевшие после разрушительной Второй мировой войны дома, трудно представить, как здесь было светло, шумно и весело, как здесь собирался весь цвет бессарабской столицы, как тут влюблялись, ревновали, назначали свидания и дуэли, плели интриги и посвящали мадригалы, что здесь гремели вальсы, кадрили, мазурки, щемили душу молдавские и цыганские напевы, шли спектакли и концерты. Но ведь всё это было! И печать былого великолепия замерла на стенах, ожидая трепетной руки реставратора.

Приятель Пушкина В.П. Горчаков с редкой наблюдательностью писал в своём дневнике: «Из числа замечательных зданий Нового города были в то время Митрополия и дома вице-губернатора Крупянского и члена Верховного правления Варфоломея. В доме Крупянского помещался сам хозяин, казённая палата и Театр кочевых немецких актёров. /.../ Когда я вошёл в залу, то несмотря на то, что лож не было, а вся разноплеменная публика, при бедном освещении сальными свечами и площадками, помещалась в партере, восхваляемая зала казалась великолепной. Треть этой залы занимали оркестр и сцена; плафон темнел в каких-то кабалистических знаках; но на стенах я мог заметить расписные колонны, поддерживающие фриз, составленный из военных амурау русских. Это украшение на первую минуту показалось мне странным; но тут же я узнал, что в этой зале бессарабское дворянство угощало в 1818 году императора Александра, в первый раз посетившего Кишинёв... В числе многих особенно обратил моё внимание вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приёмах, часто смеющийся в избытке непринуждённой весёлости и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось спросить: что с тобою? Какая грусть мрачила твою душу? Одежду незнакомца составлял чёрный фрак, застёгнутый на все пуговицы, и такого же цвета шаровары... Кто бы это, подумал я, и тут же узнал от Алексея, что это Пушкин, знаменитый певец Руслана и Людмилы. После первого акта какой-то драмы, весьма дурно игранный, Пушкин подошёл к нам... Неловкие артисты сыграли второй акт ещё хуже первого. Во втором акте Пушкин снова подошёл к нам... Мы как-то сблизились разговором, вспомнили наших петербургских артистов, вспомнили Семёнову, Колосову. Воспоминания Пушкина согреты были неподдельным чувством воспоминания первоначальных дней его петербургской жизни, и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума. В этом расположении Пушкин отошёл от нас и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился перед какой-то дамою; я невольно следил за ним и не мог не заметить, что мрачность его исчезла, её сменил

звонкий смех, соединённый с непрерывною речью, оживляемой всею пышностью восторженных. Пушкин беспрерывно краснел и смеялся; прекрасные его зубы выказывались во всем блеске, улыбка не угасала».

Да, Пушкин умел влюбляться и влюблять. А дам, с которыми он мог вот так, при публике, общаться, было немало: и Виктория Вакар (Кешко), и Мария Эйхфельдт, и Пульхерия Варфоломей, и Мариола Ралли, и Мария Шрейбер, и Елена Соловкина, и Аника Сандулаки и многие, многие другие. Всех не перечислить...

Пушкин любил театр, знал его и не мог жить без него. И не случайно увидел его в доме Крупенского Горчаков, и не случайно вспомнили они театр Петербурга, его блистательных актрис, и далеко не случайно отметил Горчаков «грустную думу» на лице поэта. Пройдёт не так много времени, и весь этот «Волшебный край!» с потрясающей к нему любовью вырвется

из его груди на страницы первой главы «Евгения Онегина», начатой здесь, в Кишинёве.

В последние годы жизни Пушкин постоянно думал о театре, писал для него. И создавал он не символы, а образы, идя от жизни, от глубокого знания её страстей, её механизма. Перечитывая Пушкина, Станиславский как-то сказал: «Гений Пушкина, определившего его искусство как силу передавать истину страстей в предлагаемых обстоятельствах, не превзойдён до нашего времени».

Как завещание актёрам, поэт вложил в уста Лауры в «Каменном госте»:

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движение, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

С его произведений, с их прочтения и постановки начинался великий национальный русский реалистический театр. Театр Пушкина — одно из красивейших зданий столицы, сооружённое в начале 50-х годов минувшего века. Листая пожелтевшие номера «Молодёжи Молдавии» той поры, я случайно обнаружил статью В. Рудина. Он писал: «Строительство театра в разгаре. От купола, опоясанного лесами, до трюмов сцены, упрятанных под землю, кипит труд людей добрых двух десятков профессий. Можно без преувеличения сказать, что помогает строить театр вся страна (СССР). Москвичи монтируют сложные конструкции сцены — поворотный круг, хитроумную систему подъёмных механизмов, киевские электрики устанавливают электрооборудование. Вся энергосистема театра будет поглотить столько

электричества, сколько небольшой город — более 500 киловатт. В адрес стройки идёт различное оборудование из Москвы, Ленинграда, Харькова, Риги и других городов. Под сводчатым куполом будущей декорационной мастерской расстелили огромный холст художники, руководимые Леонидом Григоращенко. В огневой «молдовеняске» разлетелись фигуры танцоров. Эта роспись увенчает потолок зрительного зала... Начальник строительства театра молодой инженер Виктор Полиссар — питомец Одесского инженерно-строительного института...».

А далее: «За лёгкой колоннадой входа, за огромными резными дверьми — нарядная лестница, ведущая к анфиладам фойе и кулуаров... Бархат с золотым шитьём, плюш, бронзовые бра, мягкая мебель довершают убранство театра».

На протяжении многих лет главным режиссёром театра был народный артист МССР Валерий Купча. Помню, при нашей

тот же миг я сжёг её. И тогда же я пришёл к очень простой мысли: надо всегда очень бережно относиться к классикам, учиться у них, но не подражать... После окончания института я стал работать актёром в этом театре, а в 1963 году уже был его главным режиссёром.

Имя Пушкина театру были присвоено в 1954 году, когда он имел уже и свою биографию, и свои традиции. В их основе были и остаются незыблемыми реалистическое отражение действительности, тесно связанное с романтическим восприятием. Соединение двух стилей — это не прихоть, а необходимость, корни которой уходят в классическую молдавскую драматургию, молдавский фольклор, в духовную жизнь нашего народа. Всё это, понятно, предъявляет определённые требования к содержанию, стилю пьес, которые мы выбираем для постановки на нашей сцене, а также к актёрам. И если говорить о том, какие спектакли определяли и определяют «лицо» театра, то я бы назвал «Трёхгрошовую оперу» Б. Брехта, «Маскарад» М. Лермонтова, «Овидия» В. Александрии, «Бурлящий Дунай» Е. Букова, «Птицы нашей молодости» И. Друцэ.

— А Пушкин?!

— Конечно же, с тех пор, как театру было присвоено имя Пушкина, хотелось иметь серьёзную, интересную пьесу о нём, о его пребывании здесь, в Кишинёве, в Бессарабии. Но желанию не всегда сопутствует удача. Только в 1974 году мы совершили первый серьёзный шаг к Пушкину, поставив спектакль «Шаги командора» по пьесе В. Коростылёва. В роли Пушкина зрители, тоже впервые, увидели Виталия Руссу, народного артиста МССР.

Естественно, что, обратившись к Пушкину, мы не могли уже не выйти на его произведения. И вот под сводами театра вновь зазвучали бессмертные строки поэта. Мы поставили спектакль, назвав его «Монументул». В его основе такие замечательные и широко известные вещи, как «Сцена из Фауста», «Скупой рыцарь», «Русалка», «Каменный гость» и «Модарт и Сальери». Каждую мы попытались прочесть по-своему, образовав из них единое целое...

Именно на этой сцене делала свои первые шаги в мир оперы и славы Мария Биешу, народная артистка СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и МССР.

Родилась она в Волонтировке Суворовского района — в местах, мимо которых в 1821 году проехал Пушкин. Трудным было её детство, омрачённое страданиями. Приходилось стоять голыми коленками в углу, на кукурузе или на ореховой скорлупе за каждое слово правды, за попытку отстоять своё мнение, своё достоинство. И только в песне душа её оставалась свободной и легкокрылой.

Татьяна была одной из самых дорогих для неё ролей. И хотя певица затем пела на сцене Большого театра СССР и нового Молдавского театра оперы и балета, её соприкосновение, её Татьяна всё ещё звучат на этой пушкинской сцене, её первой большой сцене.

Увы, в 90-х годах театр переименовали. Теперь он — национальный, и носит имя поэта Михая Эминеску. Вынесли огромный бюст Пушкина и из холла Национального театра, получившей имя Марии Биешу. Сюда со всего мира съезжаются лучшие мастера оперной сцены на международные фестивали «Invita Maria Bieșu» («Приглашает Мария Биешу»). Но Пушкин рядом. В репертуар Национального театра уже многие десятилетия неизменно включается «Евгений Онегин».

встрече я увидел перед собой не только режиссёра, но и актёра. Впрочем, многие помнят созданные им образы Ибиса в «Овидии» В.Александри, Короля в «Белом арапе» по И.Крянгэ, Эминеску в одноимённом спектакле М.Штефанеску, Александра Маврокордато в фильме «Дмитрий Кантемир», Черни в фильме «Лэутары».

Валерий Пименович рассказывал:

— Пушкин вошёл в мою жизнь так же, как он входит в каждого, кто живёт на нашей земле, — с детства, со школьной скамьи, через стихи. Долгое время я буквально бредил «Цыганам». И вот в десятом классе, находясь под сильным впечатлением от этой поэмы, я написал свою. Уже будучи студентом Ленинградского театрального института, я приехал домой, вдруг наткнулся на эту рукопись — и ужаснулся. Ничего своего! Стало стыдно, и в

Сергей ПАГЫН

Родился в Молдове, в г. Единцы. Окончил филфак Бельцкого пединститута. Главный редактор регионального издания «Норд-инфо». Автор пяти книг стихов. Дипломант Международного поэтического конкурса имени Н.С.Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Лауреат премии «Молодой Петербург». Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

И помнишь ты ещё наперечёт...

***
Ты говоришь — и смерти нет...
Есть осень, ветер, табулет
у мокрого порога.
Ещё есть тыква-голова,
в тазу опавшая листва
и капля-недотрога,

что на верёвке бельевой
висит, горит сама собой...
И шерсть дрожит овечья,
репъём уловлена сухим,
и надо всем домашний дым
беззвучной длится речью.

***
Оса на тёплой глиняной стене,
ореха лист,
летающий беззвучно...
К всеобщей подготовлен белизне,
осенний мир является поштучно.

И помнишь ты ещё наперечёт
и тыквину на лавочке, и грушу,
дымок костра, разлуки горький рот,
во сне твоём неясном
промелькнувший.
И щуришься, и плачешь на свету,
и ничего о будущем не знаешь,
но словно впрок ты сада пустоту
слезою безголосой наполняешь.

***
Свет, замедляясь, создаёт версту —
лесок и поле...
С бесполезным тцаньем
стремишься ты заполнить пустоту,
в которой бездна неба и прощанья,
своей душой, летящего с листвою
и отданной пространству на поруки,
но и она — не свет, не вещество,
а музыка печали и разлуки.

***
Есть в жизни жизнь —
крылатая, другая...
Когда скворчина на сад осенний стая
находит с шумом,
сыплется листва...
И ты в кричащем хаосе отлётном
сидишь на лавке
в страхе безотчётном,
и медленно кружится голова.
Как будто кто-то латку снял
с прорехи,
и хлынуло,
и падают орехи,
и птичья бездна бьётся меж ветвей.
О, сколько в ней пугающего чуда
и жажды неба дальнего —
как будто
небес окрестных не хватает ей.

***
Ноябрьский вечер...
У костра
в пространстве голого двора,
сидит на чурке потемневшей,
ладони грея, человек.
Над миром вьётся редкий снег,
не ставший музыкой
кромешной.

А человек сидит, молчит,
листву порою ворошит —
и дарит пламени дыханье.
И словно местность
ей тесна,
перетекает тишина
в его бездонное молчанье.

***
Небо —
словно сибирский посёлок
у огромной закатной реки.
Пахнет рыбой подмёрзшей
от лодок,
у которых стоят рыбаки.

И собака плетётся понуро
вдоль дорожной кривой колеи.
Вечереет,
и бакенщик хмурый
на реке зажигает огни.

И глядит он с просторов небесных,
став во весь свой немислимый рост,
в наши омуты, пропасти, бездны
среди немощных уличных звёзд.

***
Всё прозрачней, всё светлее
говорит со мною мир.
Ветром осени деревья
все зачитаны до дыр.

С невесою печалью
гаснет речь в немой дали,
истончившись до молчанья
неподвижного земли.

***
Сли́ воицы глоток
летний вмещает жар.
Как же забыть я мог
этот соседский дар?!

Хлебом заем печаль,
радость запью водой.
Осень — во взгляде даль,
вымытая слезой.

Можно в саду пустом
видеть большие сны
прежде чем ткнёшься лбом
в серый подол зимы.

Наталья РОДИНА

Автор нескольких книг, в том числе сказок для детей. Лауреат конкурса поэзии и прозы для детей альманаха «Тула литературная», золотой лауреат конкурса «Посох и лира» литературного форума Ковдорья и других. Публиковалась в газетах и коллективных сборниках стихов, журналах и альманахах России, Украины, Молдовы и Казахстана.

Жил город на границе с чудом...

Ничего не слышали

На берегу в песке шуршали камешки
И уплотнялись, прибывая с волнами.
Утюжились ветрами в райском затишке
И, обнажаясь, оставались голыми.

Пропитаны насквозь
морским безмолвием,
Подброшены прибоем щедро —
россыпью.
Стекает город к морю — за здоровьем,
На них усталость, обрушая сослепу.

Но голыши, как добрые знакомые,
Бока подставят, солнцем пропечённые,
И только добротойсвоей влекомые,
Сопроводят от пляжа к морю Чёрному.

У пледов-парусов прижаты краешки.
Манят зонты спасительными крышами.
Шептались меж собой морские камешки.
Все загорали. Ничего не слышали.

Правда, Вась?

На льняном, крахмальном полотенце
Разложит фотографии в рядок,
Кот примостится, носом ткнётся в бок,
И станут оба друг о друга греться.
Задумается и упрётся локотком
На подоконник. И наступит вечер.
И день укатится по тропке колобком,
И кот увяжется за ним. Ко мне навстречу.

Мамин лик на снимке расплывётся.
Я в кадр шагну: «Ну, как здоровье, мам?»
Двенадцать лет я еду, еду к вам,
Везу в Россию виноград и солнце».

В домашних тапках, вязанных крючком.
— Как? — Памятью. Привыкла.

Правда, Вась?
Котейка заиграется с клубком,
Пиши, пропало — нить оборвалась!

Оборвалась. Оставила за кадром
Окно с тропинкой,
что впадает в лес.
Спешу к заутрене, туда,
где мама рядом
Мне вяжет тапочки из прядева небес.

День-сынок

Когда душа слаба и одинока,
И тьма луну грызёт, как леденец,
И десять кошек не спасут под боком;
Большое сердце десять их сердец
Не врачуют, тяжесть не облегчат
И воздуха в дыханье не волюют.
Ночь разрешится утром,
Солнцем млечным,
Всепроникающим,
Бессмертным «Я люблю».

Разбудят свет пернатые хористы,
В прожилках листьев оживится сок,
И новорожденный, улыбочивый,
искристый
Потянется в пелёнках день-сынок.
В любви зачатый,
он не плод, но семя:
Приходит засветло и затемно уйдёт.
Крест распашонки будней —
Сын на сене...
И ночь на сносях,
Что пешком идёт.

У осени в гостях

Сентябрь стряхнул каштаны утру,
Оплёл кувшинками запруду,
Согрел лягушек на камнях
И, множа фырканье коня,
Переливался в рыжей гриве.
Свисал косичками на иве,
Петлял тропой, аюкал в гости
И уводил по травам в осень.
Рябил. Скользил по водам мелким,
Подбрасывал пугливым белкам
Орехи с пожилых орешин,
Жучков выуживал из трещин.
Спешил любовью истомить
И ветром солнечным омыть...
И полыхал на небе шар.
...А грач картавил: кар да кар.

Жил город на границе с чудом,
Глушил автомобильным гудом,
За тонкой, парковой оградой —
Исчадь ада.

Лэла

Прозрачной каплей янтара
Садилось солнце за моря,
И небо остывало,
Меняло покрывало.
Дышали волны, набега...
И, этот мир оберегая,
Руками обхватив колени
В загаре и солёной пене,
На пирсе девочка сидела,
Молчала, на закат глядела
Лэла.
А ветер щекотал лопатки,
Плутал в кудрявых детских прядках,

Перебирал и теребил.
Он каждую из них любил!
Подкрадывался со спины,
Манящим шелестом волны
Шептал...шептал...касался щёк...
И ждал в песке «куриный бог»,
Чтоб через дырочку в моря
Прозрачной каплей янтара
Стекало и сочилося
Усталое светило,
И чтоб сидела Лэла,
И пела... пела... пела...

Ломтик радости

J.N.
Полакомлюсь хорошим настроением:
Смешинки плюхну в жгучий кипяток,
И ягода весёлого варенья
От смеха прыснет, испуская сок.

Я вымажусь, как в детстве, —
по-ребячьи,
Макая ломтик радости в сироп.
И прояснится на душе незрячей,
И отойдут усталость, и озноб.

Помешивая в чашке
солнце с небом,
Что дарит мне осеннее стекло,
Я счастье пью и заедаю хлебом,
И мне сейчас уютно и светло.

И, потянувшись сладко,
как спросонок,
Уверю в привычной суете,
Что я для бога трепетный ребёнок,
А он хранит земных своих детей.

Мосты дружбы и поэзии

В Приднестровье в четвёртый раз прошёл Международный поэтический фестиваль «Авторские мосты Мэрцишора», организаторами которого стали Молодёжное творческое объединение «Студия "Автор"», Ассоциация русских писателей Республики Молдова и Союз писателей Приднестровья

И это — экстраординарное событие в регионе по многим причинам.

Ещё лет семь назад литераторы правого и левого берегов Днестра не общались между собой. У приднестровцев после событий 92-го года, кажется, любое упоминание о Кишинёве вызывало отторжение. Что происходит на литературном русском поле Молдовы в непризнанной ПМР не знали и вряд ли знать хотели. Кишинёв казался враждебным, ну и Тирасполь для кишинёвцев — terra incognita. Просто сталкерское пространство какое-то. Но...

Мы же на одной земле! В Ассоциации русских писателей РМ состояли два настоящих русских друга, связывающих оба берега — поэты Валентин Ткачёв из Рыбницы и Сергей Чернолев из г.Резины. Книжки их выходили по рекомендации ассоциации именно в Кишинёве, в издательстве «Инесса» Конгресса рус-

скую метель и мороз, когда стоял весь транспорт, на своей машине прорвались в Кишинёв на подведение итогов республиканского конкурса Святочного рассказа, жанр которого пропагандирует и возрождает в Молдавии Ассоциация русских писателей.

В Кишинёве стараются единственный Международный фестиваль русской литературы в Молдове «Пушкинскую горку», поэтов, прозаиков республики и дорогих российских и зарубежных гостей, издателей и редакторов толстых журналов, пригласить в Приднестровье, чтобы поделиться встречами, опытом, творчеством и общением, обсудить проблемы литературного сообщества.

И вот — логическая вершина! В Приднестровье сложился свой литературный фестиваль, который, придумал несколько лет поэт, энтузиаст, знаток русской совет-

А начинались «Мосты» в 2013 году, когда Павла Сушко, участника Молодёжного творческого объединения «Студия "Автор"», волею судеб забросило на левый берег, в Приднестровье, где он работал инженером-строителем и познакомился с авторами из Союза писателей Приднестровья. Уже в 2014 году со своими новыми друзьями при поддержке команды «Студия "Автор"» из России и председателя объединения Владимира Никулина создал Приднестровское отделение, куда вошли молодые люди из Тирасполя, Бендера и Днестровска.

С 2015 года они стали принимать активное участие в мероприятиях не только Приднестровья, но и России и Молдовы, познакомившись с молодёжью Ассоциации русских писателей и пригласили их принять участие в совместном вечере в Приднестровье. А в марте 2016 года при участии Южнорусского союза писателей (Украина) состоялся очередной международный вечер поэзии, оказавшийся, по сути, первым Международным музыкально-литературным фестивалем «Авторские мосты Мэрцишора».

ещё и тем, что именно им открылся год 220-летия А.С. Пушкина.

Мне повезло побывать на фестивале два года назад, когда он только становился на крыло. Теперь я вижу, что фестиваль набрал высоту, окреп, у него появились друзья, традиции и новые планы.

Поэзия и песни Галича и Козана, Визбога и Аграновского, Окуджавы и Дольского, Сергеева в исполнении Павла Сушко, сопровождали нас все два дня.

Для меня нынешний фестиваль это ещё и встреча с Олесей Рудягиной, Натальей Новохатней, Дмитрием Бурого, Валерием Кожушняном, Петром Жековым, Натальей Родиной, Мариной Сычёвой, Светланой Полининой, Сергеем Главацким.

Это открытие новых имён, молодых и сильных поэтических голосов Елизаветы Ковач, Татьяны Орловой-Волошиной, Павла Полищука, Виктора Грабко, Юрия Копейкина, Алексея Захарчука.

Это знакомство с поэтом, певцом, режиссёром Натальей Барабанщиковой.

Это сборник поэзии Сергея Чернолева. Это выступления барда Ивана Ковача и старейшего поэта Приднестровья Леонида Литвиненко и других участников фестиваля. Это обилие солнца на аккуратных, чистеньких улицах городов и сёл, через которые мы проезжали и в которых останавливались.

Удивительно искренний патристический пафос «Мостам»-2019 придало острое выступление Елизаветы Ковач, молодой поэтессы из Тирасполя, стремительно набирающей высоту и уже известной за пределами Приднестровья победами в Международных литературных конкурсах. И — вместо посвящённой весне и любви лирики, соответствующей поводу, строй на которую был дан в праздничных и задорных «мэрцишорских» стихах руководительницы молдавского отделения СП Приднестровья Галины Гурски, прозвучали горячие строки о войне, о трагедии 2 мая в Одессе. Переполненный огушённый зал взорвался аплодисментами, поэты подхватили тему, полностью изменив программу своих, продуманных загодя выступлений. И вышел — вне программы — Валерий Овчарук, руководитель тираспольского ЛИТО «Светоч», попросил почтить память Вадима Негатунова, погибшего в Доме профсоюзов 2 мая. Он был знаком с поэтом, — они несколько раз встречались, уже была договоренность о визите тираспольских поэтов в Одессу. Теперь образ Вадима Негатунова навсегда запечатлён в стихах его товарища из города на Днестре.

И зазвучали, словно отпустили на волю долго сдерживаемую и замалчиваемую боль, стихи об утраченной общей Родине, о разорванных родственных узах, и захлестнула жажда единения и мира, и озарили лица «и жизнь, и слёзы, и любовь».

Но и всепобеждающему чувству юмора нашлось на фестивале в Тирасполе место в выступлениях Ларисы Ладьки, Татьяны Зубковой — искромётных интеллигентных поэтесс и мастеров пародии. Тираспольский бард Вадим Барышников подхватил настроение юмористическими песнями на стихи Ладьки и Владимира Голубенко.

Отрадно, что звучали стихи молодых ребят, только начинающих в поэзии свой путь: Виктора Грабко, Павла Полищука, Алексея Захарчука, Александры Жирковой, Юрия Копейкина.

Ну а девизом фестиваля стали строки Сергея Чернолева:

«Жизнь полна пустоты,
не желая пириться с пустотами,
Мы возводим мосты,
заверениям всем вопреки».

Олеся РУДЯГИНА

ских общин Молдовы. Творческие контакты между литераторами правого и левого берега стали всерьёз налаживаться, к сожалению, уже после смерти Ткачёва.

Случалось, мы встречались с коллегами на передвижных выставках «Товарищества русских художников «М-АРТ», а однажды осенью представители ассоциации по приглашению тираспольчан приехали к ним на городской поэтический праздник, несказанно удивив слушателей и пишущих коллег гражданским звучанием стихов и неожиданно чёткой позицией по защите русского языка от дискриминации и шельмования, а Молдовы — от угрозы уничтожения. И — стена отчуждения рухнула!

А то десант из г. Бендеры во главе с писателем и уникальным геральдистом Игорем Сметанниковым высадился на творческом вечере председателя ассоциации в Российском центре науки и культуры. То совместные ткачёвские чтения в Рыбнице, затем в Кишинёве. То участие в поэтическом «Золотом ЛиСте» в селе Строенцы, то совместный конкурс пародии 1 апреля в Кишинёве, сближая друг с другом. А однажды приднестровские авторы с кличем «Русские своих не бросают!» в самую

ской поэзии второй половины XX века, замечательный тещ Павел Сушко. Истинный Илья Муромец русской поэзии!

Павел настойчиво формировал качественный состав фестиваля, год от года привлекая к участию новых авторов, и вот, практически не заметив, когда же это произошло, актив Ассоциации русских писателей Республики Молдова влился в команду организаторов, и эмоциональный накал прошедших в четвёртый раз «Мостов» просто зашкалил!

Из Одессы приехали Сергей Главацкий, председатель Южнорусского союза писателей, Людмила Шарга — поэты, выпускающие журнал «Южное Сияние» и вдыхающие в литературную жизнь современной Одессы смысл и воздух (литературная гостиния «Дилижанс», «Зелёная лампа», всевозможные поэтические встречи и вечера, фестиваль «Провинция у моря», — это очень короткий список замечательных действ наших соседей).

Из Ильичёвска (Черноморска) — примчалась автор и исполнитель Светлана Полинина, устроительница фестиваля бардовской песни «Поющая гавань», из Киева — известный издатель, учёный, поэт Дмитрий Бурого.

Теперь фестиваль проходит два дня в двух городах Приднестровской Молдавской Республики и собирает у себя участников из 11 городов и 4 государств.

Фестиваль приурочен к началу весны. В эти дни на молдавской земле люди дарят друг другу в знак симпатии маленькие сувениры — бутоньерки в виде цветочков или разных фигурок и символов — человечек, птиц, звёздочек, башмачков, сердечек, ажурных снежинок из ниток белого и красного цветов. Они называются мэрцишоры. Их носят на груди слева, у сердца, весь март.

В Молдове и Приднестровье в это время проводится фестиваль искусств «Мэрцишор». В первые годы независимости один временщик заявил, что «Мэрцишора», взявшего свой разбег в советские времена, больше не будет, так как дружба народов ныне не актуальна. Но музыканты и деятели искусств отстаивали своё право на встречу.

Вот на двух берегах Днестра и пророс поэтический «Мэрцишор»! В библиотеках, ставших площадками фестиваля, яблоку было негде упасть.

Людмила Шарга, поэтесса, г.Одесса: «Нынешний фестиваль знаменателен

Между тайной и светом

В поэте должна быть тайна.

Нет, не набор хитроумных секретов, связанных с ритмической эквилибристикой или нарочитой словесной заумью. Тайна самой личности поэта, не более и не менее

С первого прочтения не всё даётся сразу, стихи ускользают, протекают сквозь пальцы, их «пролетаешь» глазами, словно не за что зацепиться. Вот такая неожиданная странность — стихи ждут твоего соучастия и сопереживания, даже порой твоего личностного толкования. Ибо написаны тому, кто знает, тайна ищет выхода к свету.

Стихи Марины Сычёвой сдержанны, может быть, такой стиль письма воспринимается как выражение холодности, бесстрастности, даже излишней рассудочности. Но, как известно, яркое горение так недолговечно, поэт задаётся простым и вечным вопросом, «как сохранить тепло и не сгореть до углей?» Но лучшие, на мой взгляд, стихи Марины Сычёвой рождаются и живут как раз на некой невидимой грани, на рубеже сдержанности и порыва, — когда под стужёной, а подчас словно бы заледенелой короной стиля чувствуется или хотя бы угадывается прорывающая её струя, несущая в себе жаркую энергию страсти.

Знаешь, здесь на земле
у каждого свой полёт.
У каждого свой размах,
своя игра и звезда.
Кружит один впотьмах,
другой — со свечой всегда.

А третий пылает сам,
как сотни живых огней.
Ты по его следам
двигаешься скорей,
светло-пунктир шагов
яркой строкой горит...

Говоря о стилевых особенностях стихов Марины Сычёвой, невольно хочется обра-

тить внимание читателя на «территорию любви» поэта, но, если уж быть до конца верным заданным географическим терминам, о «двух полюсах любви».

Я ещё помню,
как пахнет январский мороз
в белых закоулках моей Сибири,
и скользит колея под квартетом колёс,
летающих навстречу завьюженной шири.
И вот в финале:
Я всё та же героиня
собственных историй
с одной лишь разницей —
за окнами Днестр.
И фонарь не включён — всё экономии
электричества,
денег и душевных средств.

Давайте оставим в стороне постоянные бытовые неурядицы, что так свойственны нашим нынешним городам и сёлам, два полюса любви названы — это Сибирь и Молдавия.

Вернуться, чтобы снова вспоминать,
как, душу разорвав на половины,
нас приучила жизнь объединять
Молдову и Сибирь в напев единый.

Но всё-таки, что бы там не говорили, мы продолжаем жить в едином культурном, а значит, и поэтическом пространстве, не разделённом никакими условными или реальными границами. И пусть сегодня слово поэт стало довольно расхожим, всякий сочинитель интернетных катакомбных виршей или даже текстов пустых эстрадных песенок именуется поэтом именно так. И пусть давно идёт девальвация этого поня-

тия, но я произношу это слово осторожно и редко, предпочитая подчас употребить несколько архаичный и сдержанный эвфемизм — стихотворец. Но приятно, когда о ком-то — без стыда и чувства неловкости — можно сказать: поэт. Марина Сычёва безусловно заслуживает этого знака качества.

Дорога вечная
В родимый дом,
Где сосны свечками
И снег кругом,

Где ночи звёздные
Зима прядёт,
А ветры грозные
Из года в год

Поют «за здравие»
Седой луне.
Сегодня вправду я
Сказать тебе,

Сибирь бескрайняя —
Душа Земли,
Моё дыхание
В твоей крови.

Кажется, простые и бесхитростные строки, да ведь и не нужно требовать ничего иного от признания в любви. Это стало давно неоспоримой истиной: поэт — не человек по-ступка, он — человек слова, слово и есть по-ступок поэта, за которое он, конечно, должен отвечать по всей строгости нравственных и духовных законов. Поэзия сейчас как бы стоит на перепутье, все каноны расшатаны, и все законы попораны, всё дозволено. Графомания всегда чрезвычайно разнообразна, многолика и изобретательна, а главное, неистова в целенаправленном развале поэтического дела (я имею в виду отказ от рифмы, смысла, ритмики и знаков пунктуации). Во времена интернета — подавно, словно прорваны все плотины стыда и разума. «И

больше нет городского — гуляй, ребята, без вина!» Хорошие стихи стали так редки, что подчас кажутся написанными одним и тем же автором...

Пара строчек — капли дождя,
слово — яркой молнии свет.
Ритмы, чередуясь, звенят
ямбами недавних побед.

Невезенье попусту ждёт
разногласий звуков и дней,
над землёю благодать встаёт,
тканая из слов и дождей.

Мне думается, что настоящий читатель давно уже истосковался по такой свежей благодати (или благовестию), которая чудесным образом возникает в стихах Марины Сычёвой. По выражению Петра Чаадаева, слово звучит лишь в отзывчивой среде. Нет поэта без сочувствующего собеседника, и нет поэзии без читательского сотворчества, через которое — и только через него — происходит ее осуществление. Снова повторю своё незамысловатое высказывание — тайна ищет выхода к свету. Сборник стихов Марины Сычёвой ждёт своего умного и заинтересованного читателя.

Сергей ЧЕРНОЛЕВ

Гадание на Пушкине

Когда Александра Юнко писала свои первые эссе для рубрики «Мой Пушкин» в рамках проекта газеты «Русское слово» (Кишинёв), о будущей книге и речи не было. Это сейчас, оглядываясь назад, понимаешь: всё предопределено. Сборник эссе — ироничных, тонких, печальных, разных! — просто не мог не появиться

об этом вполне определено: «Двадцатилетний и двадцатипятилетний Пушкин — две разные личности. Первый — мальчик, второй — состоявшийся человек».

Окончательное взросление поэта происходит как раз на Кишинёв. Много, много передумал, переживал он, будучи в этом городе. Хотя первоначальное отношение Александра Сергеевича всем известно: «проклятый город», «клянуть язык устанет». Но по-южному гостеприимный город не только не обиделся, но и щедро одарил его, чем мог. Одним из таких даров стала молдавская музыка.

Когда речь заходит о пушкинской поэзии ли, прозе, голос автора «Гадания» меняется, делается строже. Здесь уже нет места снисходительности, оправданиям, лишь страстное желание прочитать подлинного Пушкина «без наслоений, трактовок и комментариев, которыми любая пушкинская строка обросла к нашему времени».

«Гений столь велик, — говорит Александр, — что заслоняет нам самого себя. Он для нас, как писала Марина Цветаева о своём детском восприятии, скорее «Пампуш» — памятник Пушкину. Он — толстый том на полке. Снять книгу, стереть с неё пыль и войти в этот мир с дерзостью первооткрывателя достаточно сложно».

Но если кого и пугают подобные сложности, точно не Александру Юнко. И она яростно набрасывается на литературные штампы. В этом смысле, особенно «досталось» стихотворению «Я помню

чудное мгновенье», посвящённому Анне Петровне Керн. Мы-то привыкли, что стихотворение любовное, а вот автор книги утверждает другое:

«Разве влюблённый стал бы так тщательно перечислять «негатив»: томленья грусти безнадежной, тревоги шумной суеты, бурь порыв мятежный, мрак заточенья?»

«Влюблённый в каждой строчке воплощал бы ненаглядный образ любимой (и мы знаем у Пушкина такие стихи), а здесь вместо обожяемого лица фигурирует абстрактное «виденье», особенно бесплотное по сравнению с весьма телесной и темпераментной Анной Петровной».

Но не надо думать, что приоритет в книге за литературным анализом. Про Пушкина автору интересно абсолютно всё, например, рост. По предположениям рост поэта в молодости мог достигать в высоту 169-170 сантиметров. Так что, если Александр Сергеевич и страдал наполеоновским комплексом, то лишь отчасти, считая, что «творческое начало значительнее внешних «габаритов». Поэтом и «памятник нерукотворный вознёсся выше Александровской колонны, установленной в Петербурге, кстати, в честь победы над Наполеоном».

Из любви к поэту Александру Юнко даже пытается наделивать его долгой жизнью, оборвавшейся в глубокой старости. И тут же сама себя одёргивает: вот, мол, «как далеко может завести фантазия при виде одного из пушкинских автопортретов, где

он изобразил себя в почтенном возрасте, с морщинами и плешью...»

Зато о Наталье Николаевне, супруге поэта, в книге совсем мало: да, первая красавица, да, одна из лучших шахматисток Петербурга. В общем, всё. Даже в главе с красноречивым названием «На короткой ноге» о семейной жизни поэта сказано немного, да и то вскользь. Раз уж дело дошло до предположений, я тоже рискну предположить: чужая семейная жизнь — это всегда тайна за семью печатями. Александра Юнко, намеренно обходя эту тему, показывает пример редкой по нынешним временам деликатности.

Интересно описание давней, ещё кишинёвской дуэли: Пушкин, уже стоя у барьера, продолжал хладнокровно есть черешню. Это единственный раз, когда Александра не удерживается от колкого замечания в сторону своего любимца: мол, «плывать косточками под дулом пистолета можно только тогда, когда нечего терять. А когда на кону — любовь и счастье, человек гораздо уязвимей и беззащитней».

О «Гадании...» можно говорить долго и много. Например, о мистической теме, которая красной нитью проходит через всю книгу. Но лучше прочесть её саму, лёгкую и глубокую одновременно. Напоследок ещё одна цитата из Александры Юнко: «...к личности Александра Сергеевича нельзя подходить с заданными мерками: он был во всём неоднозначен. И жизнь его, и гибель и сейчас, спустя столетия, таят для нас неисчислимые загадки и остаются, как «Онегин», колоссальным произведением с открытым — в бесконечность — финалом».

Наталья НОВОХАТНЯЯ

Пять десятилетий Штефана Великого

Продолжается работа над телевизионным документальным проектом «История Молдовы». Уникальность его в том, что он первый в своем роде, в стране не существует даже учебника её истории, школьники изучают «Историю румын». Интересно, что четвертая серия фильма рассказывает о великом молдавском правителе — государе Штефане Великом

Все беды современной Молдовы от неуверенности в себе её жителей. Мы, молдаване, восприимчивый народ. К обидам, чужому мнению, внешнему влиянию. Так уж сложилось, что страна находится на распутье (с кем быть?) и на пути больших держав. Интерес к ней был и остается. С одной стороны, географическое положение, с другой, народ, впитавший в себя две культуры, западную и восточную, со своеобразным менталитетом: лёгкие, взрывные и в то же время отходчивые люди. Молдова — край постоянных перемен: то стран, частью которых являлся этот кусок земли, то строёв, то правителей. Независимость она обрела вместе с другими бывшими союзными республиками в 1991 году. Процесс самоопределения сопровождался далеко не лучшими проявлениями человеческой природы: национализмом, нетерпимостью к другим, желанием всё забыть и вычеркнуть, переписать своё прошлое. В постоянном беге не было времени остановиться и задуматься: а кто мы есть? Почему действуем так или иначе? Революции не терпят глубоких размышлений.

Сейчас Молдова вновь размышляет, к кому примкнуть: к России или Западу? Сразу в нескольких далеких не глупых головах возникла мысль: мы же не первые, с теми же проблемами сталкивались и наши предки, а не заглянуть ли нам в прошлое? Примерно так или почти так появился проект «История Молдовы». Создаётся он под патронатом президента страны Игоря Додона. Продюсером и режиссёром выступила Наталья Анисимова, сценаристом — Елена Пахомова. Первые три серии стали альтернативой школьному курсу истории в молдавских школах, в которых не встретишь понятий «патриотизм», «многонациональное государство», да и независимость у Молдовы у него какая-то временная. А что мы хотим от курса под названием «История румын»? Ведь как корабль назовёшь... Потому чего удивляться популярной у молдавской молодёжи идеи о возможном светлом будущем после объединения с Румынией.

Всё шло гладко до тех пор, пока не появился фильм.

В первых трёх сериях зрителям поведали историю края от первобытных людей до появления независимого государства Республика Молдова. Вдруг выяснилось, что независимой хочет видеть страну не группа маргиналов, а большинство населения. Подтверждение тому — популярность проекта. Что удивительно, критика была лишь в отношении инициатора проекта — Игоря Додона и «излишне» русских фамилий в съёмочной группе. К содержанию претензий нет. Не будут же они критиковать корифеев от истории, консультирующих авторскую группу. Исследования и факты быют поли-

тические пристрастия.

Четвертая серия — это уже погружение. Не миллионы лет в трёх сериях по 45 минут, а пять десятилетий правления Штефана Великого в одной. Роскошь для документалистов. Столь долгий период пребывания на троне одного человека — редчайший случай не только для европейской, но и всемирной истории. За время его правления, с 1457 по 1504 год, ни в одном государстве того времени не было правителя, который оставался бы у власти столь долгое время. В Венгрии, Германии, Кастилии, России и Турции сменилось по два, в Польше и Португалии — по

три. На английском престоле побывало пять королей. В нынешних испанских и итальянских провинциях Арагоне, Наварре, Сицилии и Неаполе сменилось семь правителей. В соседней Валахии господами были шесть человек, ставленники турецкого султана или самого Штефана.

Биография этого человека несёт в себе ответы на многие сегодняшние вопросы жителей Молдовы. Его отец был убит сводным братом, так что власть пришлось возвращать силой, до этого немного поскитавшись на чужбине (чем не нынеш-

няя молдавская «партийная миграция»). Молдова досталась Штефану в удручающем состоянии (в XXI веке республика тоже далека от благоденствия).

На первых порах пришлось отставить меч и взяться за перо. Одна из первых грамот княжеской канцелярии была посвящена торговым делам. Соседних бояр приглашали со своими товарами в Молдову, предлагая за это значительные послабления в налогах. Прелегающий через княжество торговый путь гарантировал стабильное пополнение молдавской казны. По суше и морю купцы везли свои товары из Крыма через молдавские Чета-тя Албэ (Белгород-Дне-стровский) и Сучаву во Львов, Краков, другие города Центральной и Западной Европы, а также на север — во Псков и Новгород. На западе молдавские торговые суда до-

ходили до итальянских республик.

Но стабильность ещё нужно было завоевать. Штефан оказался искусным дипломатом. Он успешно лавировал между сюзеренами, находя выгоду в положении васала. Венгрия, Польша, Османская империя по очереди, а иногда вместе становились временными покровителями княжества, помогая во время войн. Что это, как не дипломатический талант? Точно так же государь выстраивал отношения на

матримониальном фронте. Его женами (в разное, конечно же, время) были дочь Киевского князя Евдокия, наследница Византии — крымская принцесса Мария Мангупская и, наконец, любовь его жизни — валашская принцесса Мария Войкица. Благодаря браку дочери Штефана Марии Волошанки с сыном Ивана Третьего молдавский двор породнился с московским. Каково?

Куда больше известен Штефан как удачливый воевода, воин. Молдавское войско при нём одержало победу в 34 битвах и лишь в двух потерпело поражение. Го-

сподарь восстанавливал старые крепости и строил новые. Он был любителем технических новинок. Армия становилась чётко отлаженным организмом, оснащалась артиллерийскими орудиями. Пушки покупали в оружейных мастерских Трансильвании, Брашова, Сибиу, Львова. Холодное оружие он заказывал у лучших оружейников итальянских княжеств. Это было не красование, не «мужские игры», а развитие, необходимость. При Штефане Молдова обрела размеры, которых больше никогда не достигла. Княжество раскинулось от Восточных Карпат на западе до Днестра на востоке, от Черновцов и Хотина на севере до Днестровского лимана у Четатя Албэ и устья Днестра у Килии на юге.

Фильм должен был, прежде всего, показать Штефана-человека, объяснить причины и следствия его поступков, в общих чертах пересказать общеизвестные для молдаван факты и найти что-то новое, свежее, детали, которые придали бы живости, осязаемости истории.

Съёмки проходили в Молдове, Румынии, на Украине. Много открытий для себя сделала не только съёмочная группа, но и консультанты. Во время поисков информации смогли восстановить средневековые гербы молдавских династий, выяснили, что на этой территории были распространены костюмы не столько европейские, сколько с восточным влиянием. Фильм оказался со многими неизвестными, а некоторые из них перестали быть такими.

Наверное, сложнее всего было исполнителю роли Штефана Великого в зрелом возрасте — Виктору Збурлоку. Он одновременно выполнял на проекте роль пиротехника, так что приходилось шествовать навстречу камере и краем глаза следить за тем, чтобы вокруг вовремя взрывались

70 литров бензина. Этот кадр стал визитной карточкой всего проекта. Заслуга фильма ещё и в возрождении молдавской документалистики в новом зрелищном, популярном виде. Некогда гремевшая на весь Союз студия «Молдова-фильм» осталась только на бумаге. Производства больше не существует, а потребность в фильме есть.

«Историю Молдовы» смотрят. Если суммировать просмотры только в youtube, это около 200 тысяч. Для Молдовы с трёх-миллионным населением цифра колоссальная. В России было примерно десять миллионов просмотров. Для документального проекта цифра впечатляющая. И это не говоря о телевизионных показах в Молдове и России. Так что спрос на историю и знания у нас есть, особенно когда события переключаются с современностью.

В 2019 году начата работа над новой серией «Истории Молдовы». Она расскажет о Яско-Кишиневской операции 1944 года. Страна отмечает 75-летие освобождения от немецко-румынских захватчиков.

Кстати, фигура Штефана Великого никогда, ни при каком строе не вызвала нареканий властей. И во время вхождения в состав Румынии, и при Советском Союзе в центральном парке стояла нетронутой скульптура великого молдавского государя. И здесь он нашёл общий язык со всеми. Дорогой всем нам Штефан.

Букет для Пушкина

В день трагического ухода смертельно раненого на дуэли Александра Сергеевича Пушкина Ассоциация русских писателей Республики Молдова пригласила жителей Кишинёва в Российский центр науки и культуры на литературно-музыкальную и публицистическую встречу «Я соберу для Пушкина букет»

Необычный формат предполагал не только чтение стихов великого поэта и наших современников, перемежающееся музыкальными номерами, но и попытку совместного обсуждения и осмысления того, кем для нас сегодня является великий поэт. Поэт, создавший русский литературный язык, на котором мы говорим, думаем и пишем, который проносим через все выпадающие на его пути испытания — кампании запретов, шельмования и унижений.

Встреча получилась необычной. Началась она с минуты молчания, которую объявил видный кишинёвский пушкинист Виктор Кушниренко. С недавних пор 10 февраля в 14.45 по всей России объявляется минута памяти — в миг, когда перестало биться сердце поэта.

Олеся Рудягина представила неопубликованную, существующую в одном экземпляре книгу стихов лучших русских поэтов Молдовы, посвящённых Пушкину. Изучая произведения своих соотечественников при подготовке диссертации мастера филологии, она выяснила, что личность Александра Сергеевича во многих произведениях предстаёт символом России, каждый чувствует с ним неразрывную духовную связь.

Татьяна Волошина-Орлова прочитала стихотворение Новеллы Киселёвой «Давным-давно здесь лестница была...» — версией, эхо романтического нежного увлече-

ния Пушкина. Борис Мариан рассказал, как в его жизнь — жизнь деревенского молдавского мальчика, в 1944 году вошёл Пушкин, — подаренной советским солдатом-освободителем книгой неведомых прежде стихов: «Читай! Человеком станешь!». Борис Тихонович вспомнил, как в годы гибели СССР и смены общественно-политической формации ему довелось встать на защиту любимого поэта, — он рассказал о яростном сопротивлении оголтелым русофобам газеты «Независимая Молдова», главным редактором которой он в те годы был. Рассказал об истинной дуэли добра и зла — о процессе по защите чести и достоинства поэта в кишинёвском суде. «Дантесов много, а Пушкин — один!» — с горечью констатировал Борис Мариан.

Живой страницей вечера стало воодушевленное представление стихов поэта маленькими воспитанниками лицея им. А.С. Пушкина. Классный руководитель Ольга Назаренко, филолог и поэтесса, сумела так настроить своих учеников, что они с удовольствием и неподражаемыми эмоциями читали стихи Пушкина. С левого берега Днестра на встречу приехал Алексей Захарчук, молодой поэт, — член

творческой студии «Автор», один из победителей турнира поэтов международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка»-2018. Он привёз литераторам привет от поэтов и прозаиков Союза писателей Приднестровья, прочитал со звуковым названием встречи стихотворение Александра Сергеевича «Цветок» и свои новые стихи.

Поэт и переводчик Нина Авидон представила на суд слушателей стихотворение о последней дуэли поэта, а председатель АРП РМ вручила ей членский билет

Ассоциации.

Поэт, прозаик Наталия Новохатняя провела взволнованный экскурс по страницам таинственной книги «Гадание на Пушкине» поэта и журналиста Александры Юнко, и слушатели прочувствовали отношение к Пушкину как к феноменально одарённому, но живому человеку, а не окаменевшему «пампушу» («памятнику Пушкину» — Марина Цветаева).

Диана Жалбэ, лауреат Международного литературного фестиваля «Эмигрантская лира» в Бельгии, прочитала собственный перевод на румынский язык письма Татьяны Онегиной.

Наталия Родина, анализируя прижизненные портреты Пушкина, попробовала «вычислить» настоящий облик поэта, которого так противоречиво описывали современники и столь по-разному отображали на полотнах знакомые с ним художники.

Председатель Товарищества русских художников Сергей Сулин представил фрагмент своей «Пушкинианы» — несколько пейзажей старого пушкинского Кишинёва, картины «Пушкин в ночном», «Окно», живописный портрет поэта «Вес-

на на Инзовой горке», подаренный Дому-музею поэта и редкий скульптурный портрет Александра Сергеевича в контррельефе из собрания музея.

Всеобъемлющий портрет своей души поэт, конечно, оставляет в своём творчестве, и дивная музыка романса собственного сочинения на стихи Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла» Натальи Барабанщиковой, руководителя хоровой студии «Рапсодия», это лишний раз подтвердила.

Хочется отметить высокий уровень и гармоничность «музыкального сопровождения» встречи. Юрий Портных, кото-

рого ведущая справедливо назвала «золотым голосом Молдовы», в сопровождении аккомпанемента народного артиста Михаила Сечкина исполнил романс М.Глинки на стихи А.Пушкина «В крови горит огонь желанья» и печальную Песнь старого цыгана из оперы «Алеко» С.В. Рахманинова, а в исполнении ученицы лицея им. С.В. Рахманинова Елизаветы Сулиной прозвучал вдохновенный фортепианный экспромт Ф.Шуберта.

Зрители сопереживали, открыв для себя какие-то новые черты в казалась бы давно понятом и любимом поэте.

Александра СЕРЁГИНА

Судьбы её весенняя рапсодия

Наталия Барабанщикова — человек с солнечной душой ребёнка. Певица, бард, педагог, поэт, дирижёр, композитор. Всех, кто соприкасается с её миром, согревает она своим светом

И знают её не только в Молдавии. Влюблённая в музыку, она одержима искусством, поэзией, хоровым пением.

Ученикам своим любит повторять: «Ни к чему в этой жизни нельзя прикасаться без любви», и сама живёт строго по этому правилу. Она создала Детский хор в Национальном театре оперы и балета им. Марии Биешу, который участвовал в десяти спектаклях театра.

Каждый день её наполнен до краёв, расписан по минутам. Руководит хором Музыкальной школы имени Евгения Доги, Музыкально-хоровой студией «Рапсодия», а это и Молодёжный камерный хор, младший и средний хор, Вокальный Квintет «JJ Jazz». В разное время возглавляла хор немецкой музыки «Hoffnung», еврейский детский ансамбль «Халом», хор «Украиночка».

Коллективы Наталии Барабанщиковой — неоднократные лауреаты республиканских, международных хоровых, поэтических конкурсов и фестивалей.

Наталия пишет песни и романсы на свои стихи и любимых поэтов. Мелодично и задумчиво поёт.

Музыкально-хоровая студия «Рапсодия» родилась из камерного хора русского

лицея имени Н. Гоголя в середине 90-х. В течение двух десятилетий этот уникальный коллектив блестяще представляет Молдову в мире на многочисленных международных хоровых конкурсах. Им рукоплескали в разных уголках Европы и Азии. Коллектив активно участвует в культурных программах радио и телевидения (в том числе и РТР, лучшая программа 2013 года «Мой Гамлет»), в конкурсах «Евровидения» и интернациональных флэш-модах.

Наталия пробовала себя и как режиссёр: поставила спектакль памяти Януша Корчака «Кадиш» по поэме Александра Галича, «Песни героев любимых книг», которые с успехом прошли в Молдове, России, Польше, Украине и Болгарии.

К слову, хор «Рапсодия» — единственный коллектив, которому было доверено представлять Республику Молдова на

открытии Всемирного конкурса оперного мастерства «Мадам Баттерфляй» в 2007 году.

Наталия Барабанщикова — член Ассоциации русских писателей Молдовы и Международной ассоциации писателей и публицистов. На стихи её пишут песни композиторы разных стран. Обладатель нескольких премий за мастерство и популяризацию русской культуры в мире и искусства других славянских народов. Организатор гостевых концертов авторской песни и хоровых конференций в Кишинёве.

По линии Фонда «Устойчивое развитие Болгарии», Славянской академии и ЮНЕСКО как певица проводит сольные концерты классической, камерной музыки, романсов, поэзии и авторской песни в Варшаве, Варне, Риге, Юрмале, незабываемые для зрителей Крымские концерты с

участием музыканта, великолепного рассказчика Михаила Казиника.

Наталия руководит ещё и детским театром, и вокальным ансамблем авторской песни при клубе «Товарищ Гитара».

К долгожданному юбилею «Рапсодии» в Кишинёве готовится грандиозный праздник. Барабанщикова — арт-директор Международного фестиваля «Творческие встречи «Вместе в XXI веке», который проводится в Болгарии. Там, в Камчии, в центре творчества произошла смена руководства. Чтобы не прерывалась прекрасная традиция, и в знак верности Стенке Шоповой, родоначальнику и организатору этого удивительного события, очередную встречу Наталия, её друзья и единомышленники, культурные миротворцы и постоянные участники фестиваля решили провести в Молдове и приурочить к 20-летию «Рапсодии».

В организации такого серьёзного дела возникло немало трудностей. И они попросили, чтобы эта международная встреча прошла под эгидой президента страны Игоря Додона, поскольку молдавский президент — миротворец по своим человеческим качествам. В общественной организации «Заря» («За русский язык») их тоже горячо поддержали.

Вот такой беспокойный и неравнодушный человек наша Наташа. Не случайно в этом году Благотворительный Московский фонд мира наградил Наталию Барабанщикову дипломом за особую роль в укреплении мира на планете.

Подготовила Светлана РЯБИНИНА

Пусть горит свеча толмача...

Немного о себе. Родилась я в Кишинёве. Мне 24 года. Пишу стихи, с детства увлекалась литературными переводами. Переводила русские стихотворения на румынский язык и наоборот. В 2011 году мою поэтическую подборку напечатали в литературно-художественном журнале «Страна Озарение» в Новокузнецке. А три моих перевода с румынского языка на русский впервые были опубликованы ещё семь лет назад в литературном журнале Ассоциации русских писателей республики «Русское поле»

Очень обрадовалась, когда меня назвали лауреатом Республиканского литературного конкурса для молодёжи «Взлётная полоса — 2012» (1 место в номинации «художественный перевод»), позднее — лауреатом премий «Под сенью Долины-2014», «Взлётная полоса — 2015». В том же году по итогам фестиваля «Бессарабская осень» два моих перевода опубликовали в Москве, в альманахе «Новые писатели».

Вдохновлённая поддержкой нашей писательской ассоциации, я выиграла конкурс, проводимый Министерством культуры Молдовы, на право публикации книги «Между двумя мирами — Între două lumi» — дебютного сборника поэтических переводов с русского на румынский язык и наоборот. Книга увидела свет летом 2016 года. Некоторые мои переводы вошли в Антологию русской поэзии Молдовы (начало XXI века) «Неулетающие птицы». В прошлом году мой первый перевод прозы с румынского на русский — интервью с поэтом, писателем, драматургом и публицистом Андреем Бураком — вновь напеча-

тали в журнале «Русское поле».

Недавно, уже в этом году, два моих перевода на русский язык увидели свет в российском журнале «Веси» (г. Екатеринбург). Среди переводов на русский язык — «Лучафэр» и «Тебя всё нет» Михая Эминеску, «Дан, горный капитан» Василе Александри. Переводы на румынский язык включают знакомые всем стихотворения — Константина Симонова «Жди меня», Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату», Михаила Лермонтова «Смерть поэта» и Кондратия Рыльева «Иван Сусанин».

Не могу не рассказать об участии во Всемирном поэтическом фестивале «Эмигрантская Лири» в Бельгии в прошлом году. Всё началось с того, что я отправила свои переводы на конкурс переводчиков «Свеча толмача» в рамках этого фестиваля.

Прочитав условия конкурса в Интернете, я задумалась: жёсткие ограничения в объёме лишали меня возможности отправить на фестиваль переводы, которые сама я считала лучшими. Пришлось послать три перевода покороче, два из которых я считаю самыми слабыми. Увидев своё имя (я была единственным конкурсантом из Молдовы) в списке участников, прошедших отборочный тур, невероятно обрадовалась, но это обстоятельство вовсе не гарантировало, что я непременно попаду в финал. В тот же вечер я отправила Александру Мельнику, главному организатору фестиваля, подтверждение, что смогу приехать в Бельгию.

Для меня это было первое выездное событие! Меня ждал ещё один приятный сюрприз: родители решили подарить мне турне по Европе! И вот после многих дней, в которые мы насладились вдоволь и природой побережья Средиземноморья, и архитектурой европейских городов, мы разделились. Мама с сестрой остались в Париже, а мы с папой выехали в Бельгию, в город Льеж, к месту проведения фестиваля. После регистрации там можно было приобрести заказанные заранее альманахи и журналы и оставить свои книги на продажу. В парке прошла презентация литературных журналов и альманахов. Среди представленных изданий были «Эмигрантская Лири», «45-я параллель», «Плавучий мост», журнал «Русское поле» и другие издания. После презентации авторы, публиковавшиеся в этих журналах, читали свои стихи.

Так как в Льеже узкие улочки и большие проблемы с парковками, пришлось ходить пешком от гостиницы, где мы жили, до мест проведения мероприятий. И каждый раз это была интересная, хотя и непростая для меня прогулка.

На следующий день в Музее «Curtius» состоялся два творческих состязания — конкурс эссеистов «Русская поэзия за пределами России» и конкурс поэтов-переводчиков «Свеча толмача».

Очень много переводов было с немецкого языка и с иврита. Кстати, Розалия Бланк, переводчица с иврита, родилась и выросла в Кишинёве. Порядок оценивания пере-

водов был следующим: независимый эксперт, назначенный жюри в соответствии с языком оригинала стихотворения, выполнял подстрочный перевод стихотворения, писал экспертное заключение по трём переводам финалиста, и, учитывая это заключение, жюри выносило окончательный вердикт.

Меня переполняли эмоции, когда мне вручали диплом и серебряный «Манекен Пис» — кубок за второе место в конкурсе. Первое занял Алексей Ланцов — поэт и переводчик из Финляндии. Вечером того же дня состоялся поэтический слэм.

Впереди ещё был конкурс поэтов-эмигрантов, разделяющийся на два русла — «Неоставленная страна» и «Эмигрантский вектор». Было интересно открывать для себя новые имена и знакомиться с современными формами стихосложения. День завершился совместным дружеским ужином в льежском ресторане «Koliba».

В следующее утро состоялся мастер-класс «Поэт и редактор». Два уважаемых поэта и редактора литературных журналов Вальдемар Вебер и Даниил Чкония обсуждали стихотворения, присланные поэтами на мастер-класс, отвечали на вопросы о взаимоотношениях авторов и редакторов литературных альманахов и журналов.

Мой последний день на фестивале получился полезным, добрым и душевным. Спасибо «Эмигрантской Лире — 2018!»

Диана ЖАЛБЭ

Василе АЛЕКСАНДРИ

Дан, горный капитан

(отрывок)

Спросил татарин,
Дана испепеляя взглядом:
«Что чувствует былинка,
коль косы ходят рядом?»
«Не грех ей пред косою
смирненно преклониться,
Она под солнцем вешним
травую возродится».
Гирей о чём-то думал, не подымая век.
Сказал, меняя голос: «О, мудрый человек!
Давно тебя я знаю,
о доблести наслышан.
И мести нет конца твоей,
пока ты дышишь.
Охота ли татарам от мести умереть?
Но смерть твоя подходит.
Её достойно встретить!
Проиграна война, потеряна свобода...
Смотри туда! Палач приказа ждёт у входа.
Дам знак — в тисках забьёшься,
гяур, едва дыша,
И не найдёт покоя неверная душа.
Могу я даровать тебе, из уваженья
К твоим сединам,
жизнь и всех грехов прощенье.
И если отречёшься от веры ты своей,
С богатыми дарами
ты сбросишь гнёт цепей!»
Но Дан, душою светел, величествен стоит;
И, глаз не опуская, Гирею говорит:
«Никто, под бурей стоя, не выдержит её;
И перед смертью близкой
достоинство своё
Я не хочу ронять; ему я цену знаю.
Свободу за Отчизну купить я не желаю.
Предательства позор бы,
как ржавчина, покрыл
И палицу, и совесть — всё, чем я дорожил.
Пока я жив, покуда хожу я по земле —
Не быть клейму измены
на старческом челе!
Не запятнал я имя в боях в родном краю.
Бесчестьем не покроешь могилу ты мою!

И после жизни долгой
и чистой я спокойно
На смерть иду; приму мучения достойно.
Подав великий Штефан пример небезызвестный
Нам жизни справедливой и праведной,
и честной.
Я не хочу прощенья, даров твоих не надо!
То не вино хмельное —
ты дал мне чашу яда.
Нет, справедливей будет
достойно умереть!
Одно моё желанье исполнишь ли? Ответь!
Пусти лишь напоследок
Молдове поклониться,
Дозволь мне в час предсмертный с родной
землёй проститься!»
Гирей своей рукою оковы разрывает,
Подавши Дану руку, подняться помогает,
И говорит поспешно:
«Могли бы быть мы ближе...
Да будет так! Исполню! Возьми коня!
Иди же!»
Счастливый Дан уж скачет.
Он Днестр переплывает,
И жадно свежий запах
земли родной вдыхает,
И сердце уж не ропщет,
и на страну родную
Старик с любовью смотрит,
в последний раз целует.
Узнай, Молдова,
сына, что молится смиренно
Вон там, перекрестившись
и преклонив колена...
Он помысел последний
к Отчизне обращает
И над врагом жестоким победу обещает.
Потом вернулся к хану, и на его глазах
Погиб герой...
К почтению примешивая страх,
Татары вместе смотрят
на труп у ног Гирея:
«О, смелый Дан, тот счастлив,
кто умереть умеет!
Кто злом, коварством душу
не запятнал при жизни,
И перед смертью верность
не нарушал Отчизне!»

Джордже КОШБУК

Они не зря ушли

Три сына было у отца.
И на войну ушли все трое...
Бедняга уж не знал покоя,
Душа в нём ныла без конца.
Покрылись сеткой из морщинок
Черты его лица.
Спустя недели, весть пришла,
От коей мир приободрился:
Стяг турок вправду
приспустился.
Судьба, конечно, принесла
Победу детям Кодр зелёных,
Чья кровь рекой текла.
Газеты пишут, что войска
На родину должны вернуться.
Все, кто с родными разминулся,
В деревню входят, но пока
Его троих орлов не видно.
В душе его тоска.
И прослезился наш старик
От радости, что вновь увидит
Он сыновей своих, обнимет...
Он так от этого отвык...
Их нет и нет... И как под игом,
Взор потускнел, поник...
Надежды меньше, меньше... Дни
Он мыслит об одном и том же,
Он всех спросил,
кто только может
Ему дать весточку от них...
Безрезультатно. Вот в их части
Начальства ждёт старик.
Идёт к нему капрал седой...
«Сынок мой, Радуга? Есть он где-то?»
Старик со страхом ждёт ответа...
«Отец, мужайся! Мальчик твой...
Пал смертью храбрых
он под Плевной,
Сражаясь, как герой!»

Бедняга как к земле прирос...
«Что? Радуга нет на этом свете?»
При ужасающем ответе
На мучивший его вопрос
Он не поверил, и наверно
Поэтому не выдал слёз.

Будь проклят, весь турецкий клан!
«А Георгий?» «Спит он под курганом,
Пронзён турецким ятаганом
Он был; скончался из-за ран!»
«А бедный Мирча?» «Пал и Мирча
В долине, где Смырдан!»

Ни слова он не проронил,
Стоял с опущенной головою,
Как Бог, распятый над землёю,
И взглядом землю он сверлил.
И кажется, что с сыновьями
Он сердце схоронил.

И еле-еле вышел он...
Весь мир стал чужд ему огньне.
Он вспоминал о каждом сыне,
Не называя их имён.
И изредка из уст бедняги
Срывался тихий стон.

Не ведал, жив он или мёртв.
И думать не хотел об этом.
Присев на камень старый где-то,
Ладонью щёку он подпёр,
И непослушную слезинку
Он рукавом утёр.

На камне долго он сидел,
С тех пор уже повечерело,
Уж солнце закатилось, село,
Закат багряный догорел,
А он всё был на том же месте,
Как будто омертвел.

По улицам повозки шли,
Солдаты в праздничном наряде
Шаг отбивали на параде...
Их взором проводив вдали,
Смиренья полный, он промолвил:
«Они не зря ушли!»

Перевела Диана ЖАЛБЭ

Добрый свет православия

Вечера православной поэзии (Рождественские чтения-2019) и подведение итогов конкурса святочных рассказов уже ушли в историю, но их благодарное эхо и в эти весенние дни откликается в душах читателей и литераторов. Инициатором этих событий была Ассоциация русских писателей — с благословения председателя Собора Русской общины Молдовы, настоятеля Свято-Георгиевской церкви протоиерея Николая Флоринского, при поддержке Российского центра науки и культуры

Одна из самых замечательных инициатив писателей родилась не на пустом месте. Литературный журнал «Русское поле» давно ведёт рубрику «Воскресение», посвящённую вопросам веры. А для Международной конференции «Православная цивилизация и современный мир», состоявшейся по инициативе президента РМ Игоря Додона в Кишинёве в 2015 году, Олеся Рудягина подготовила оригинальную статью «Свет православия в творчестве русских поэтов Молдовы». И, конечно, жанр русского святочного рассказа, настроен на «обыкновенное чудо», всегда возможно под Рождество, даёт возможность как нельзя лучше продолжать и развивать эти темы молдавским прозаикам, пишущим на русском языке. С благословения упомянутого настоятеля Свято-Георгиевского храма, в 2015 году состоялся первый конкурс, а три года назад родились Вечера православной поэзии. На конкурс горячо откликнулись авторы из Приднестровья, которые теперь постоянно и с энтузиазмом принимают в нём участие, часто занимая призовые места.

В 2017 и 2018 годах на Вечера приезжали прекрасные русские поэты Виктор Киришин и Нина Орлова-Маркграф, с «Православного Буквара» которой начинался сборник по всей Москве для кишинёвской муниципальной библиотеки им. М.В. Ломоносова.

Гостей нынешних Рождественских чтений и председателем жюри Конкурса святочных рассказов стала Ирина Ордынская — прозаик, драматург, публицист, член Союзов писателей и журналистов России, лауреат литературных премий, создатель и главный редактор журнала-библиотеки современной духовной литературы «Эхо Бога». В первый вечер Чтений, названный «Дорога к Храму», она высту-

пила перед прихожанами Свято-Георгиевской церкви, где рассказала о своей работе над романом «Отречение», посвящённом гибели последнего русского императора Николая Второго и его семьи, о библиотеке духовной литературы «Эхо Бога», пообщалась с детьми из Воскресной школы при Храме, которым привезла книги о вере. На этой встрече выступили члены Ассоциации русских писателей Наталья Родина и Валерий Шварц, свои стихи и стихи Киришина и Орловой-Маркграф прочла Олеся Рудягина. В храме царил непринуждённая тёплая атмосфера. Отроку Кириллу, особенно увлекающемуся русской православной литературой, Ирина Николаевна вручила специально для него привезённую книгу «Отречение».

Второй день чтений был назван организаторами «Жить — не тужить...» — по знаменитому наказу Амвросия Оптинского. Собранных в Российском центре науки и культуры приветствовал его директор, руководитель Представительства Россотрудничества в Республике Молдова, Михаил Давыдов, который отметил

своевременность и важность проводимых православных чтений, вечеров поэзии и конкурсов, способствующих духовному просвещению общества.

Перед оглашением результатов Конкурса святочного рассказа Ирина Ордынская рассказала о своих многочисленных писательских поездках по России, ближне-

сто людьми, такими же, как мы, выпало гораздо больше испытаний и горестей. И только благодаря преодолению тягот, трудностей, невзгод, несправедливости, преодолению себя рос человеческий дух.

...Очень камерный, но, как показало время, совершенно необходимый Конкурс святочного рассказа, заслуживает упоминанием всех победителей за годы его проведения, но сегодня мы ограничимся последними итогами.

Первое место занял рассказ «Эта долгая дорога» Сергея Сулина, прозаика и члена Союза художников РМ. По мнению Ирины Ордынской, озвученный во время вручения наград рассказ Сергея оказался наиболее профессиональным, написанным ёмким образным языком литературно одарённого человека.

Второе место единодушно получил «Бобышка-воробышка» постоянной участницы конкурса из Приднестровья Татьяны Зубковой. На третье место вышла работа «Сегодня будет Рождество» Арины Кирсановой, ученицы кишинёвского лицея.

Победителям были вручены оригинальные дипломы и денежное вознаграждение от настоятеля Свято-Георгиевской церкви отца Николая Флоринского, который произнёс тёплые слова напутствия участникам и победителям этого духоподъёмного состязания.

Кроме главных наград, рассказ «Сестричка» Нины Коваленко из села Ближний Хутор удостоился грамоты «За доброе сердце и любовь к ближнему», а «Находка» Валентины Коваль, преподавателя русского языка из города Рышканы, — «За сострадательность и верность дружбе». Все награждённые получили в подарок от Российского центра науки и культуры специально подобранные замечательные книги российского издательства «АЗБУКА».

Святочных рассказов русских прозаиков Молдовы и Приднестровья за годы его проведения уже накопилось на отдельную книгу. Будем надеяться, что Ассоциация русских писателей Республики Молдова сумеет её подготовить и издать.

Александра СЕРЁГИНА

Визиты радости

Как-то я возвращалась домой на маршрутке и увидела объявление: группе «От сердца к сердцу» требуется помощь волонтеров для работы с детьми. И вот моя первая поездка в дом-интернат. Меня назначили волонтером в первый класс...

Я знаколю малышей со своими книгами. Вот «Лучистые сказки». Главный герой — солнечный луч Светик. Рассказываю детям о том, как много занимательных историй поведал мне Светик. Читаю, как Лучик спасает своего друга, рыбку Бычка, попавшего на крючок рыбака. Дети погрузились в мир сказки, переживая вместе с Лучиком за рыбку.

Интересно, что юные слушатели уяснили для себя? Дети открыты общению, а я спрашиваю:

— А если ваши друзья попадут в беду, как вы поступите?

— Ребята, попробуйте нарисовать приключения Светика!

Дети стараются передать свои впечатления через рисунок: тут сразу становится видна душа маленького человечка.

Так начался новый удивительный этап моей жизни — ежеквартальные поездки в дом-интернат и встречи с ребятами в Кишинёве, куда мы привозим их в театр, цирк и на экскурсии. С каждым годом программа встреч расширяется. Мы проводим мастер-классы по приготовлению и украшению блюд. По скрапбукингу и

квиллингу. Вот уже дважды к ним приезжал настоящий гончар. Он показывал, как изготавливать медали, чашки и кувшины. А некоторые попробовали сами волшебное искусство сотворения из глины.

Я читаю не только свои сказки. В январе прозвучала сказка Николая Телешова «Белая Цапля» — об осознании главной героини своего поступка: она сделала свадебную диадему из хохолок белых цапель, что привело к их истреблению. Как же детям сейчас нужны сказки, где добро побеждает! Так должно быть в жизни! Мало не создавать зла, надо творить добро. Это была грустная сказка с печальным концом, поэтому дети придумали свой и спасли двух оставшихся цапель!

Потом я поехала сама в 4 класс на 8 Марта. Привезла подарки, а увезла много поделок, созданных руками детей. Как хорошо слышать: «Приезжайте, мы вас будем очень, очень ждать!» Уезжала с мыслью вернуться обратно, и скоро десант волонтеров высадился на территории детского дома.

С утра ярко светило солнце. Был праздник — День Начинания Новых Дел. И начали мы его с объявления о Междуна-

родном конкурсе детского рисунка «Мы — дети космоса». С утра было спортивное мероприятие, потом просмотр видеопленки о победителях прошедших конкурсов рисунков. Я смотрела и поражалась глубокому осмыслению и видению детьми космоса. Притом все рисунки были безо всяких летающих аппаратов...

После обеда мы читали мою сказку «Козьи рожки», которая приключилась в живописном молдавском селе Наславчи. Это история об одной капризной девочке Марине, у которой внезапно выросли козы рожки. И Светик, герой всех моих сказок, помог Марине всё преодолеть: своим светом он очистил сердце девочки от острых колючек, которые выростали в сердце от каждого каприза. Как только девочка поняла, что только она сама может

избавиться от своих рожек, они исчезли. Недавно отправила подборку стихотворений молдавских классиков о весне, которые дети будут читать наизусть при следующей встрече. Они всё впитывают и учатся размышлять. Мы часто говорим с ними о добре и зле. Каждый из них стал записывать в тетрадь добрые поступки, которые совершают друзья. Может, свет Лучика согреет хоть одно детское сердце?!

Я называю поездки к детям визитами радости. Все они ассоциируются со светящимися глазами детей, ожидающих нас, улыбками, счастливым смехом, обнимашками и чувством сопричастности нас, взрослых, с их судьбами.

Ура! Приехали! Мы вас ждали!

Тамара АРТЕМЬЕВА

«Краски» вышли в свет

Увидел свет первый номер международного литературно-художественного альманаха «Краски». Книга на русском языке была подготовлена и напечатана Германским международным творческим объединением «Краски искусства», возглавляемым известным немецким литератором и издателем Генрихом Диком

В проекте приняли участие достаточно известные авторы из разных стран мира, пишущие на русском языке. Это Лидия Терёхина (Дорошина), Сергей Антипов, Елена Зейферт, Евгений Усович, Владимир Фёдоров (Россия), Елена Добровольская, Светлана Хартманн, Олег Бондаренко (Украина), Надежда Постемска (Ирландия), Абдукадор Касимов (Таджикистан), Абиля Гасанов (Азербайджан), Виктор Гергенредер и Генрих Дик (Германия).

Палитра стран, талантливых и самобытных писателей и поэтов весьма многообразна, но всех их объединяет любовь к русскому языку, он — своего рода мост, соединяющий творческих людей разных

национальностей и вероисповеданий.

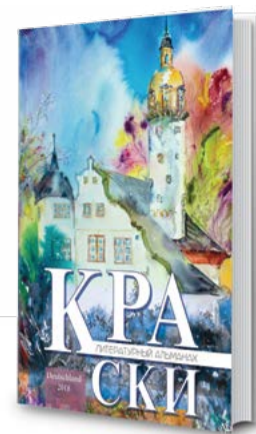
Произведения авторов в альманахе по-своему уникальны: в силу разности менталитета на одну и ту же проблему они отражают различные, порой совершенно противоположные точки зрения. Это не переводы: произведения изначально написаны на русском языке.

К сожалению, современная мировая литература переживает не лучшие времена: интерес к книге угасает. Некогда популярное издательство и журналы массово закрываются.

Международный литературный проект, разработанный Генрихом Диком и осуществляемый с помощью вышеупомянутых

авторов, включая учредителя и председателя оргкомитета Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» Светлану Савицкую, предусматривает творческие встречи и литературные чтения в школах, молодёжных клубах, библиотеках, книжных магазинах разных стран. К примеру, для немецкого читателя, знакомящегося с современными русскоязычными авторами, некоторые произведения будут переведены на немецкий язык. Кроме этого, на базе Международных творческих сообществ Германия — Россия, Германия — Украина, Германия — Таджикистан и т.д. предусмотрены и уже проводятся такие литературные и фотохудожественные конкурсы, как «Сказка сегодня» и «Зуб мудрости».

Альманах ценен ещё и тем, что в нём собраны новые интересные произведения и поэтические, и прозаические. На его страницах авторы откровенничают о мечтах, размышляют о любви, о наболевшем, де-

лятся необычными жизненными историями и фантазиями.

Авторский коллектив гордится тем, что в альманахе удалось объединить такие произведения, через которые красной нитью проходит очень важная, актуальная и животрепещущая тема — проблема сохранения мира, взаимопонимания между людьми и благоденствия на Земле.

Георгий ВИКТОРОВ

Тайны секретного подразделения

Вышла в свет книга Валерия Киселёва «Легенды Вымпела». В последние годы появилось немало мемуаров участников боевых действий и офицеров спецназа различных подразделений, которые хотят не только поделиться подробностями событий, участниками которых они стали, но и рассказать о том времени, а главное, о людях, с которыми они служили и которые и сегодня составляют гордость Вооружённых сил

Валерий Киселёв принадлежит к одному из самых элитных отрядов спецназначения в нашей стране — отряду «Вымпел», который изначально создавался не для борьбы с терроризмом, а для проведения диверсионных операций на любом клочке земного шара. Лишь бы это было в интересах страны.

И отряд зарекомендовал себя не раз, постепенно превращаясь не только в дей-

ственное, но по-настоящему элитное подразделение, которое руководство СССР, а затем и России могло послать куда угодно и было уверено, что задание будет выполнено.

Валерий Киселёв — непосредственный участник более 450-ти боевых операций, сам прошёл многое из того, о чём пишет. Книга составлена из цикла остросюжетных взаимосвязанных историй, каждая из которых с философским отступлением о смысле жизни. Здесь художественный вы-

мысел соткан из жизни реальных людей, разведчиков специального назначения КГБ СССР. Книга о группе специального назначения «Вымпел» — совершенно секретном подразделении времён 1979-1991 годов — впервые открывает в варианте художественного повествования любопытные страницы жизни советской разведки.

Книга вышла в издательстве «Вече» в серии «Миссия выполнима». «История издания этой книги поучительна для меня, — говорит Валерий Киселёв. — Ру-

копись долго «бродила» по инстанциям, а потом было предложено убрать некоторые факты и даже главы... Но я сознательно печатаю, как задумывал, потому что правда событий не противоречит безопасности страны. Да и люди вправе знать, что происходило в СССР, как мы были готовы умирать за свои идеалы...».

Теперь о том, что внутри. Пять глав с прологом. Вступительное слово Юрия Дроздова — руководителя нелегальной разведки Советского союза, создателя «Вымпела». Вот часть его обращения к автору: «Наше прошлое, несмотря на пролетевшие годы, живо и по-прежнему волнует каждого из участников описанных вами событий... Как бы то ни было, офицеры подразделения «Вымпел» своим отношением к порученному им делу подтверждали пожелание Ю.В. Андропова: «...Чтобы равных им в мире не было...»

Непобедима лишь любовь...

Несколько фактов из летописи книжного дела:

— Плиний Старший в своей «Естественной истории» упоминал об издании «Илиады» Гомера, которая была написана на настолько крошечном пергаменте, что полностью помещалась в ореховую скорлупу

— Настольная книга Жанны д'Эвре, королевы Франции, изготовленная по заказу Карла IV в 1325 году, имела размеры 60х90 мм, состояла из 418 страниц и включала в себя 25 цветных позолоченных рисунков.

— Уже в XVIII веке миниатюрные книги завоевали громадную популярность в Европе. А веком позже «Южно-русское издательство Иогансона» выпустило около 300 наименований изданий, размеры которых составляли всего 55х73 мм, либо 60х80 мм. Эта линейка получила название «Крошка». Причём тиражи книг достигали 5000 экземпляров. В общей сложности было издано около двух миллионов томов.

И сегодня миниатюрные книги продолжают высоко цениться среди библиофилов. В Луганске есть общество любителей таких книг под названием «Коллибри», и многие писатели с удовольствием издают свои новые книги в миниатюрном формате.

Так поступила и известная поэтесса Наталия Морозова-Мавроди, порадовавшая

своих читателей сборником стихотворений «Голос времени», пополнившим коллекцию миниатюрных изданий. Изысканность и стильность издательского оформления книги с использованием великолепных иллюстраций художника Петра Швердина перекликаются с содержанием, в котором тон задаёт одноимённый венок сонетов. Строго выдержанная классическая форма сонета лишь подчёркивает смысловую современность звучания поэзии.

...Имеет время голос свой
В многоголосье человечьем,
Диктует время свой настрой,
И крест судьбы кладёт на плечи.
Не нов секрет, в том нет сомненья.
У всех времён свой счёт и мнение.

Поэтический разговор «о времени и о себе», о вечных и животрепещущих вопросах, поиск ответов на которые длится уже какое-то тысячелетие, продолжается в книжных разделах четверостиший и ми-

ниатюр, которым автор даёт подзаголовки: «Мысли вслух», «Штрихами», «Портреты»... В них нет нарочито-беззаботной весёлости, свойственной юмористической поэзии, так и натужных интонаций безысходного трагизма, которые встречаются в сочинениях под девизом «всё пропало».

Автор ведёт честную и откровенную беседу о жизни, не даёт советов и не обещает легких решений. Но напоминает, что есть такие ключевые понятия, как надежда и вера в порядочность и справедливость. И ещё — любовь, которой под силу побеждать и разочарование, и уныние, и даже (в идеале) мстительную злобу вкупе со злорадомством.

Всё в мире зыбко и не вечно,
Но убеждаюсь вновь и вновь,
Что в нашей жизни быстротечной,
Непобедима лишь любовь.

Книга Наталии Морозовой-Мавроди подтверждает, что хорошая поэзия и нравственность неразделимы, что жизненная мудрость невозможна без доброты и взаимопонимания. И если добро окупается сторицей (помните библейское: «Отпущай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его»), то и зло, увы, тоже имеет свойство

возвращаться. И об этом напоминает автор: вдруг, кто-то, прочитав, поймёт и задумается. Ведь поэту вторит время, в котором зло, рождая новое зло, лишь разрушает и уничтожает всё вокруг. И только добро способно создавать и возрождать.

Стихи Наталии Морозовой-Мавроди позитивны и доброжелательны, наблюдательны и деликатны, совестливы и гармоничны. Они, опираясь на житейскую мудрость, звучат негромко, но убедительно. Им к лицу задумчивая афористичность, а лаконизм формы только подчёркивает глубину содержания.

Пока рождаются стихи,
на нас благословенье Божье:
Идти душой по бездорожью,
стихами искупать грехи.

Владимир СПЕКТОР

Ли́ра Анато́лия Алейчи́ка

В Ногинском центре культуры имени Григория Калининченка прошёл творческий вечер Анатолия Алейчика, посвящённый 70-летию поэта

Вечер провела председатель местного литературного объединения «Ли́ра» Елена Глебова-Павлова. На счету Анатолия Алейчика восемь поэтических сборников: «Парадоксы бытия», «Автопортрет на нервных волокнах», «Мой потомок дальний, здравствуй!» в двух томах и другие. Недавно вышел новый сборник избранных стихов «На острие момента каждого...», куда вошли сочинения последних лет.

За плодотворную творческую деятельность, вклад в поэтическое наследие Московской области Анатолий Алейчик имеет награды как лауреат литературных премий имени А.П. Че-

хова, А.С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова. Он — обладатель Золотой Есенинской медали, кавалер орденов Г.Р. Державина и других знаков отличия.

Алейчик — неутомимый общественный деятель. В своё время он окончил Московское высшее общевойсковое командное училище. Служил в действующих войсках Советской Армии, выполнял интернациональный долг в Афганистане. В офицерском звании вышел в отставку, имеет государственные награды. Заслуженный ветеран Подмосковья.

Председатель Богородского окружного отделения общественной организации ветеранов

Вооружённых сил Геннадий Герасимович и главный редактор сайта ветеранов войны и труда Богородского городского округа Вадим Старушкин вручили Анатолию Алейчику удостоверение ветерана Вооружённых сил и медаль, выпущенную к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Члены литературного объединения «Ли́ра» читали сочинения юбиляра, и, конечно, он сам подходил к микрофону и проникновенно исполнял свои стихи под восторженные аплодисменты. Прекрасные музыкальные подарки юбиляру преподнесли певица Марина Геращенко, Елена Глебова-Павлова и ногинский скрипач-виртуоз Вольдемар Зин (Владимир Зиначѐв).

На снимке: юбиляра поздравляет сотрудник Центральной библиотеки имени Пушкина Ольга Макарова.

Виталий ПОПОВ
Фото Татьяны Прокофьевой

Плавучий мост литераторов

В Доме русского зарубежья им. А.И.Солженицына с большим успехом прошла презентация журнала русской и переводной поэзии «Плавучий мост», посвящённая пятилетию журнала

Журнал издаётся при содействии и участии издательств «Verlag an der Wertach», Аусбург (Германия) и «Летний сад» (Москва).

Редакторский совет под началом руководителя проекта Виталия Штемпеля (Фульда, Германия) ставит целью свести под одной крышей все направления современной русской и переводной поэзии. Читатель может самостоятельно определяться в своих предпочтениях, имея под рукой лучшие образцы каждого из направлений. Особенность журнала в том, что он соз-

даётся многими редакторами, каждый из которых вносит своё видение современной русской поэзии, самостоятельно определяет авторский состав на отведённой ему журнальной площади.

Вячеслав Кожемякин, возглавляющий российское издательство, назвал состоявшуюся презентацию фотографией современного литературного взрыва, при котором осколки уже никогда не получатся собрать в изначальный «хор имени Пятницкого», настолько широко и несопоставимо разлетелись направления современной русской поэзии.

Тем не менее, и в журнале, и при личных встречах — несопоставимые осколки прекрасно сосуществуют, образуя еди-

ный редакторско-авторский коллектив единомышленников, не имеющий строгих рамок.

На музыкально-поэтическом вечере, который вели издатель и редактор Вальдемар Вебер и ответственный секретарь, поэт Ольга Афиногенова, принимали участие поэты, авторы журнала Надежда Кондакова, Вячеслав Куприянов, Мария Ватутина, Андрей Тавров, Евгений Витковский, Анна Гедымин, Герман Власов, Юлия Покровская, Тим Собакин, Ольга Постникова, Юлия Белохвостова, Сергей Крюков, Геннадий Калашников, Андрей Корвин, Илья Оганджанов, Виктор Есипов, Сергей Ивкин, Борис Кутенков, Алексей Ивантер, Илья Семенов-Басин, Ирина Василькова, Елена Зейферт, Сергей Касатов и многие другие. Наталья Тимченко-Штемпель прочла стихи Виталия Штемпеля, а певица Юлия Теуникова исполнила песни Кати Яровой.

Ночь смеха в Уфе

1 апреля впервые в Уфе прошла «Ночь смеха». Юмористическое театрализованное представление в Большом концертном зале «Башкортостан» было посвящено многолетнему творчеству лауреата международных и российских премий Марселя Салимова (Мар Салима)

На вечере выступили мастера культуры республики Ильнур Юламанов, Гульзамия Ситдикова, Лилия Фатихова, Фануна Сиражетдинова, Радик Динахметов, Линар Ханнанов, Айнура Фатихов, этно-группа «Ятаган» и народный ансамбль «Дуслык».

Необычный весёлый вечер вели актеры республиканских театров Алтынай Юнусова (в роли Сатиры) и Хаким Муртазин (в роли Юмора) и, конечно же, остроумный и искомётный юбиляр в своем амплуа.

Юбиляра тепло поздравили земляки с его малой родины, председатель Союза писателей РБ Алибаев и многие другие известные лица. А заслуженный художник РБ Альберт Кудайров подарил сатирику новый портрет.

Марсель Салимов прочитал свои сатирические и юмористические стихи и рассказы. Выступление знаменитого поэта-трибуна нашло столь живой отклик в сердцах зрителей, что аплодировали ему стоя.

50 оттенков зелёного

В Музее Михаила Коцюбинского города Винницы (Украина) состоялся творческий вечер «Прогулка весной — 50 оттенков зелёного» поэтессы, переводчика и журналиста Елены Добровольской

Лукьянова — супруга Е.Добровольской, который написал более 40 песен на её стихи.

В заключение вечера писательница выступила ещё в одном своём качестве — фитотерапевта, предложив собравшимся дегустацию нового травяного весеннего чая по своему рецепту.

На вечере Елена представила две книги, недавно увидевшие свет в винницком издательстве «Твори»: свою «Историю мальчика Добряна» для детей и «Русалку» Владимира Фёдорова для взрослых. В «Русалку» вошли шесть рассказов, которые Добровольская перевела на украинский язык с русского.

Фраза «50 оттенков зелёного» прозвучала в названии вечера неслучайно: именно такие оттенки присутствовали в обложках обеих книг, в картинах, шарах и вазах оформления зала, в преподнесённых поэтессе букетах. Да и сама главная героиня события в эффектном бирюзовом платье до пола была похожа на прекрасную наяду с обложки «Русалки», образ которой создала художница из Якутска Ольга Эпова.

На вечере прозвучали песни на стихи Добровольской в исполнении винницких вокалистов и ансамблей. Прочитала она и свои новые стихи. Часть концерта была посвящена памяти композитора Михаила

Отжигай глаголом!

Инициатором первоапрельского квартирника Оренбургского областного литобъединения им.С.Т.Аксакова выступил писатель-натуралист (он же поэт) Юрий Полуэктов, предложив провести его в формате юмористического поединка авторов, пишущих иронические стихи

Думали, как назвать, варианты были самые разные. Но зачем пытаться быть умнее классиков, а тем более Пушкина, призвавшего глаголом жечь сердца людей. Думаю, Поэт не был бы в претензии на аксаковцев за то, что они решили назвать свой первоапрельский квартирник «Отжигай глаголом!». Цель квартирника — выявление самого зажигательного автора путём открытого голосования пуб-

Надежда Остроухова

лики и самих участников первоапрельского поэтического ристалища. Ведущим вечера стал (инициатива наказуема!) сам же Юрий Полуэктов, что, впрочем, не помешало ему и самому поучаствовать в стихотворном турнире.

Шестнадцать поэтов-аксаковцев и примкнувшие к ним авторы из публики (которая весьма активно почтила мероприятие!) выясняли между собой, кто самый «отжигательный». Тематика — самая разная, обязательной была лишь юмо-

Наталья Кукушкина

ристическая направленность и ироническая тональность. С иронией, конечно, не так просто в литературе. Александр Блок считал, что ирония есть в немалой степени следствие недоверия к миру, а поэзия предполагает открытость миру и почти детское доверие к нему. При этом он выделил один из аспектов, который с полным основанием может быть зачислен в форматы поэзии — самоирония. Умение посмеяться над собой есть важный показатель душевного здоровья и адекватной самооценки автора.

Вот это умение и стало определяющим в выборе публики, признавшей победителем Вадима Бакулина, который больше известен читателю как лирик, работающий в стиле Серебряного века. Но в своих стихотворениях самоиронического толка он открылся вдруг с неожиданной стороны. В спину ему дышали Елена Кубаевская и Надежда Остроухова, умеющая посмеяться над женскими мечтами о принце на белом коне:

На ладони линии витые.
Предскажи мне, хиромант, судьбу!
Ведь судьбы изгибы непростые
Лишь тебе подвластны одному!

Хочется готовой быть к невзгодам,
Избежать потерь и неудач.
Чтобы не сочилась боль сквозь годы...
Хиромант, судьбы нелёгкой врач.

Предскажи мне, хиромант, удачу!
Счастье и любовь мне предскажи!
Ну, и денег предскажи впридачу!
О хорошем мне наворожи!

Посмотри на линии ладони!
Слышишь, повнимательней смотри!
Видишь, там красавицу на троне,
Что звездой сверкает до зари?

Расскажи о ласковом бронеете,
Бонусом к нему — колье с кольцом!
Мчимся с ним легко в кабриолете,
Дело кончив свадебным венцом!

Хиромант, как будто между прочим,
Посмотрел мне пристально в лицо:
«Будет так, как ты того захочешь»...
...И надел мне на руку кольцо!
(Надежда Остроухова)

Практически все за редким исключением авторы литобъединения им.Аксакова нашли у себя весёлые стихи, чтобы отжечь глаголом. Порадовало, что у поэтов есть столь редкая в женских стихах самоирония. Вот, к примеру, стихотворение молодой поэтессы Олеси Куземцевой на злобу дня:

Стоит на страже нравственных границ,
Ему не важен вес авторитетов.
Он — тот, кто не падёт пред вами ниц,
Он даже не подумает об этом.
Он говорит: «Не для того живу,
Чтоб лебезить пред кем-то против воли.
Каким живу, таким я и умру,
Не думаю сейчас о том тем боле».
Он полон снисхождения ко всем,
Стремится быть собой, как мать учила.
И выбирает среди бездн тем
Одну, что его думы покорила.
Он посвятил себя борьбе за мир,
С призывными речами выступая,
Себя нацелив на ориентир,
Преграды на пути преодолевая.
Вновь путь его и светел, и тернист, —
Он к нам пришёл,
как в мир пришёл Мессия.
И кто же он? Он — бывший коммунист
От партии «Единая Россия».

Публика в каминном зале Оренбургского дома литераторов, где проходило мероприятие, оказалась столь впечатлительной услышанным, что некоторые зрители тоже выразили желание почитать свои весёлые стихи.

Диана КАН,
фото Владимира Баклыкова

В гостях у бронницких поэтов

Открытая встреча поэтов подмосковных Бронниц с жителями и литераторами соседних городов, была посвящена Всемирному дню поэзии и российскому Дню работника культуры

Осенью 2016 года в Бронницах было создано литературное объединение «Литера», руководителем которого стала Елена Патрушева. С момента создания лито его участниками выпущено два коллективных сборника и четыре авторских книги. Местные поэты активно участвовали в альманахах издательства «Серебро слов» города Коломна, публиковались в местной печат-

ти и на литературных интернет-порталах. Кроме того, в нынешнем году при лито было открыто молодёжное отделение.

На встрече поэтов присутствовали почёт-

ные гости — руководители литобъединений: Виктор Лысенков из Воскресенска и Денис Минаев из Луховиц, заместитель председателя Московской областной организации

СП России Сергей Антипов, который вручил руководителю Бронницкого литобъединения членский билет Московской областной организации СП России. Антипов особо подчеркнул, что успехи литобъединения — это заслуга его руководителя, поздравил собравшихся с праздниками и передал добрые пожелания от руководителя областного Союза писателей Льва Котюкова.

Конечно же, на вечере звучали стихи, которые зал принимал аплодисментами. По традиции, литераторы-гости подарили свои книги местной библиотеке и коллегам по перу.

Соб. инф

Крылья счастья Анатолия Лагулаа

«Крылья счастья», — так называется изданная в Москве на абхазском языке книга известного абхазского писателя, лауреата Государственных премий имени Дмитрия Гулиа и Таифа Аджба, главного редактора журнала «Алашара» Анатолия Лагулаа, презентация которой состоялась в Национальной библиотеке Абхазии имени Ивана Папаскир

Выпуск книги осуществлён при поддержке и под грифом фонда благотворительного движения «Послы доброй воли Абхазии». Это уже их третья книга: читатели по достоинству оценили роман в стихах Платона Бебия «Каменная ноша» и роман-рапсодию Алексея Гогуа «Асду». В книгу Анатолия Лагулаа включены рассказы, в том числе и детские, повести

и эссе, а также переводы видных писателей: Варлама Шаламова, Альберто Моравио, Валентина Распутина, Василия Белова, Романа Сенчина и Франца Кафки.

На мероприятии, которое вёл известный абхазский писатель Даур Начкебия и вступительным словом открыл директор библиотеки Борис Чолария, выступили Геннадий Аламия, Владимир Зантария, Гунда Квициния, Гунда Сакания, Адгур Какоба, Виталий Шария, Арда Ашуба, Валентин Когония, Нугзар Логуа, Дмитрий Габелия и актёры Молодёжного театра. Они поблагодарили послов доброй воли Абхазии за их замечательный проект по изданию книг абхазских писателей.

Исполнительный директор благотворительного движения «Послы доброй воли Абхазии» Даур Барганджия, специально прибывший из Москвы на презентацию

сборника, рассказал о работе, проводимой ими.

Основную финансовую поддержку проекта оказал учредитель движения Инал Ардзинба.

Анатолий Лагулаа выразил свою бла-

годарность инициаторам издания книги и отметил важность деятельности послов доброй воли по поддержке и развитию абхазского языка, которые плодотворно работают и в других направлениях.

Издание книги А.Лагулаа осуществлено в рамках программы послов доброй воли Абхазии по защите абхазского традиционного этикета Апуса-ра, предусматривающей ещё и создание первого цифрового пособия, состоящего из учебника и специальных текстов.

Артавазд САРЕЦЯН
На снимке: (слева направо)
Д.Барганджия, А.Лагулаа,
Д.Начкебия

Что бы сказал Александр Сергеевич...

О художнике и поэте Борисе Васильеве-Пальме

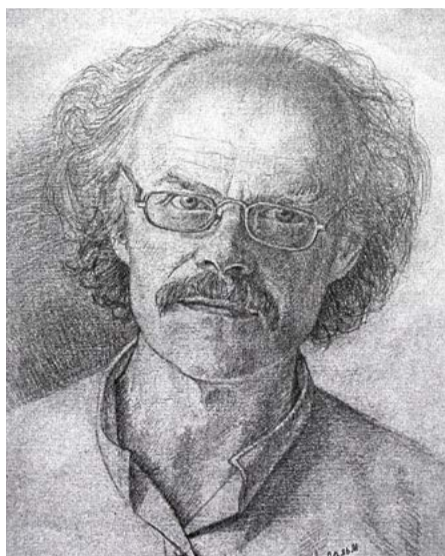
Мы познакомились в 1987 года во дворе Керченского историко-археологического музея, где мне представили нового художника-оформителя Бориса Васильева. Он приехал в Керчь с семьёй в 1986 году из-за неожиданно развившегося туберкулёза, обменяв свою ленинградскую квартиру на дом на берегу моря.

В поисках заказов, Борис Васильев пересёк практически всю Россию: от Москвы до Екатеринбурга. Прекрасный портретист, он выполнял заказы в разных техниках: акварели, пастели, масле, гуаши и т.д. Любил он писать и пейзажи, чаще всего, почему-то, величаво-печальные. В каком бы городе ни был, всегда отыскивал церковь или часовенку, чтобы перенести её на полотно. Часто писал наш старинный храм: «Несть числа на земле всяким храмам/ Величавым по-царски и скромным/ Приобщаясь к человеческим драмам/ разбрелись по просторам огромным./ Свой у каждого лик, свои плечи, своя мера и счастья, и горя.../ Я люблю «Иоанна Предтечи/ храм старинный у самого моря»...

Выставлял свои работы Борис Васильев в Симферопольском художественном музее, Евпаторийском краеведческом, в музее писателей Урала, в доме художника Екатеринбурга, в редакции журнала «Юность» в Москве. В 2014 году на X Международной выставке-конкурсе «Биенале камерной акварели», посвящённой 200-летию со дня рождения итальянского акварелиста Луиджи Премацци, получил премию министра культуры Крыма за серию акварелей «Поэты Крыма». Премия была учреждена в связи с возвращением Крыма в Россию, специально к этой выставке, где участниками были художники из всех регионов России, СНГ и дальнего зарубежья. Борис Васильев стал первым лауреатом. Его работы хранятся сейчас в Керченской художественной галерее и других музеях Крыма; в музее истории Санкт-Петербурга, музее фотографии в Екатеринбурге; в частных коллекциях: в Париже, Джакарте, Екатеринбурге, Симферополе, Керчи.

В тёплых беседах за чаем или долгих прогулках по парку, где находился его дом, мы говорили о многом, читали стихи: я — своих любимых Мандельштама, Цветаеву, Ахматову, Бродского, он читал свои. Стихи он писал с детства, сначала просто баловался — подражал, рифмовал и забывал; повзрослев, записывал в тетрадку, но не публиковал, стеснялся. Так ненавязчив, как тропка лесная/ и неприметней речки подо льдом./ Я был поэтом, сам того не зная./ И счастлив был, не ведая о том/.

Родился он на Севере, в городе Кировске Мурманской области, в семье охотоведа, в 1939 году. Домашним образованием де-

Автопортрет, 1997

Церковь Иоанна Предтечи, масло, 2009

Сирень, гуашь, 1991

тей, Бориса и его брата Сергея, занималась мать. «К доброй и мягкой матери он был особенно привязан: ...Батюшкины сила и таланты/, Но ума сердечность от тебя.../ Нам карикатуры и атланты/ Завещали ношу бытия/ С музыкой её архитектуры/, с хороводом радостей и бед/

Она была родом из семьи священнослужителей, имя его деда по матери П. Альбова можно встретить в мемуарах представителей Серебряного века. По отцовской линии семья принадлежала к старинному дворянскому роду Пальмов. Прапрадед его — литератор Александр Пальм вместе с Достоевским и другими участниками кружка Петрашевского был приговорён к смертной казни, заменённой каторгой в Сибирь.

Семья жила бедно и голодно, особенно во время и после войны, но именно в родительском доме впитывалось ребёнком духовное богатство рода: высокая нравственная культура, умение чувствовать красоту окружающего мира. /Полог неба над раздольем луга.../ Нас казалось трое в мире этом:/ Жаворонок, мальчик и кузнечик — / Невидимки две и человек — / В сорок пятом, незабвенным летом,/ Вдохновенно спели друг для друга./

Всему обучил отец своих сыновей, чтобы выжить в суровом климате — в жестоком мире: северным ремёслам, охоте на зверя; приобрёл к спорту. Ему везло: за спортивные успехи в армии два года из трёх положенных он прослужил в Ленинграде, в штабе на Дворцовой площади.

В свободное от службы время пропал в Эрмитаже, копируя картины знаменитых мастеров, в Летнем саду рисовал скульптуры; у себя в роте перерисовал всех своих сослуживцев. Писал стихи, много, упоённо. Одновременно готовился к поступлению в университет, — сказывалась врождённая семейная культура «к знаниям, совершенствованию, мастерству».

Сразу же после армии поступил на факультет журналистики Ленинградского университета, потом перевёлся в МГУ. По окончании работал в Мурманске репортёром «Комсомольской правды». Его фотографии того времени демонстрировали мускулистого красавца с щеголеватыми усиками и уверенной улыбкой.

Но журналистская служба, столь стремительно и успешно начавшаяся, скоро стала тяготить его. До поступления в Академию художеств, он был рабочим в геологической партии на Кольском полуострове: много километров исходил, много

видел и пережил. В маленьком стихотворении «Мой удел» он с грустной иронией поведал о зигзагах своей судьбы: /В себе, как и во многом, сомневаться,/ По зарослям случайностей блуждать/ Потом на всё, что было, оглянуться/ И с опозданием кое-что понять/ Невесело прозрачно улыбнуться./ И, уходя, лишь на себя пенять./

В 1972 году в возрасте 33 лет он поступил в Ленинградский институт живописи, графики и архитектуры им. И.Е. Репина. В Академии художеств, на выставке в музее, он случайно обнаружил, что родная сестра его бабушки по отцовской линии Александра Тхоржевская училась у Ильи Репина, а родной брат Александра Пальма, сподвижник Ф.Достоевского, Иван, учившийся в академии в середине XIX века, был портретистом; его портрет композитора Глинки и ныне хранится в Петербургской консерватории.

Получив в 1978 году диплом художника, работал в художественных мастерских Ленинграда и Мурманска. С 1986 года жил и работал в Керчи, активно участвовал в художественной и литературной жизни. Часто, выезжая на «заработки» в Москву, сотрудничал «с большой столичной литературой» — печатался в центральных литературно-художественных журналах и охотно писал портреты своих друзей по перу. С конца 90-х появилась возможность свободно публиковаться в Крыму и в родном городе.

Популярные авторитеты его не смущали. Воспитанный в высокой дворянской культуре, он ценил истинные искусство и слово. Так однажды Васильев дал «отповедь» чёрному квадрату Малевича: «...Убиенного помня царевича, /Справедливости преданный друг./ Я в квадрат пресловутой Малевича, чёрный./ в белый вмонтировал круг./ Пусть картина такая же куца./ — Мысль целебнее корня женьшень./ И в искусстве она — Революция — / Красоту превращает в мишень./

А в стихотворении «Вопрос директору ГМИИ им. А.С. Пушкина» он просто восстал против подобной эстетики: «Да, я согласен, — в «Квадрате» есть магия/ чёрная — в бездну провал.../ Сам-то всегда на холсте, на бумаге я/ светом любви рисовал... /С именем Пушкина рядом — Малевича —/ в славном музее — квадрат! / Что бы сказал Александр Сергеевич, видя такой экспонат?/

Он любил Керчь, свою «южную родину», посвящал ей стихи. Как радовался он возвращению Крыма в родную обитель! Этот человек своей чистой, доброй душой желал счастья людям, своему городу, своей Родине: «Будет впереди планеты всей она, — Умная, красивая, могучая./ Близишь нам нынче мнится серою./ По завету прозорливица Тютчева/ Мудрые сильны в Россию верою»./

Нина ШЕСТАКОВА

Учредитель и Издатель:

«Международное сообщество писательских союзов» («МСПС»).
© Все авторские права защищены.
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010.

Редакционный совет:

Председатель — Иван Переверзин.
Члены: Владимир Бояринов, Светлана Василенко, Маквала Гоншвили, Илфак Ибрагимов, Юрий Конопляников, Лев Котоков, Низом Косим, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Михаил Кураев, Исхак Машбаш, Борис Орлов, Николай Русу, Владимир Середин, Николай Чергинцев.

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Владимир Фёдоров
Заместитель — Елена Степанова
Дизайн — Лора Лей
Вёрстка — Алексей Новиков
Редактор — Елена Аксаментова

Адрес редакции:

123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17.
Телефон: (495) 691-6307, 691-1639.
E-mail: olg-msps@yandex.ru

Отпечатано:

АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72
http://www.redstarph.ru
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
Тираж 9000 экз
Заказ № 1674-2019
Время подписания в печать:
по графику — 18. 04. 2019 в 10.00
фактически — 18. 04. 2019 в 10.00

Принимая во внимание, что одной из базовых ценностей современного демократического общества является свобода слова и совести, редакция даёт максимальную (в пределах закона) возможность высказаться авторам. Но это не означает, что мы всегда разделяем их позиции и точки зрения.
Авторы отвечают и за достоверность предоставляемой ими информации.